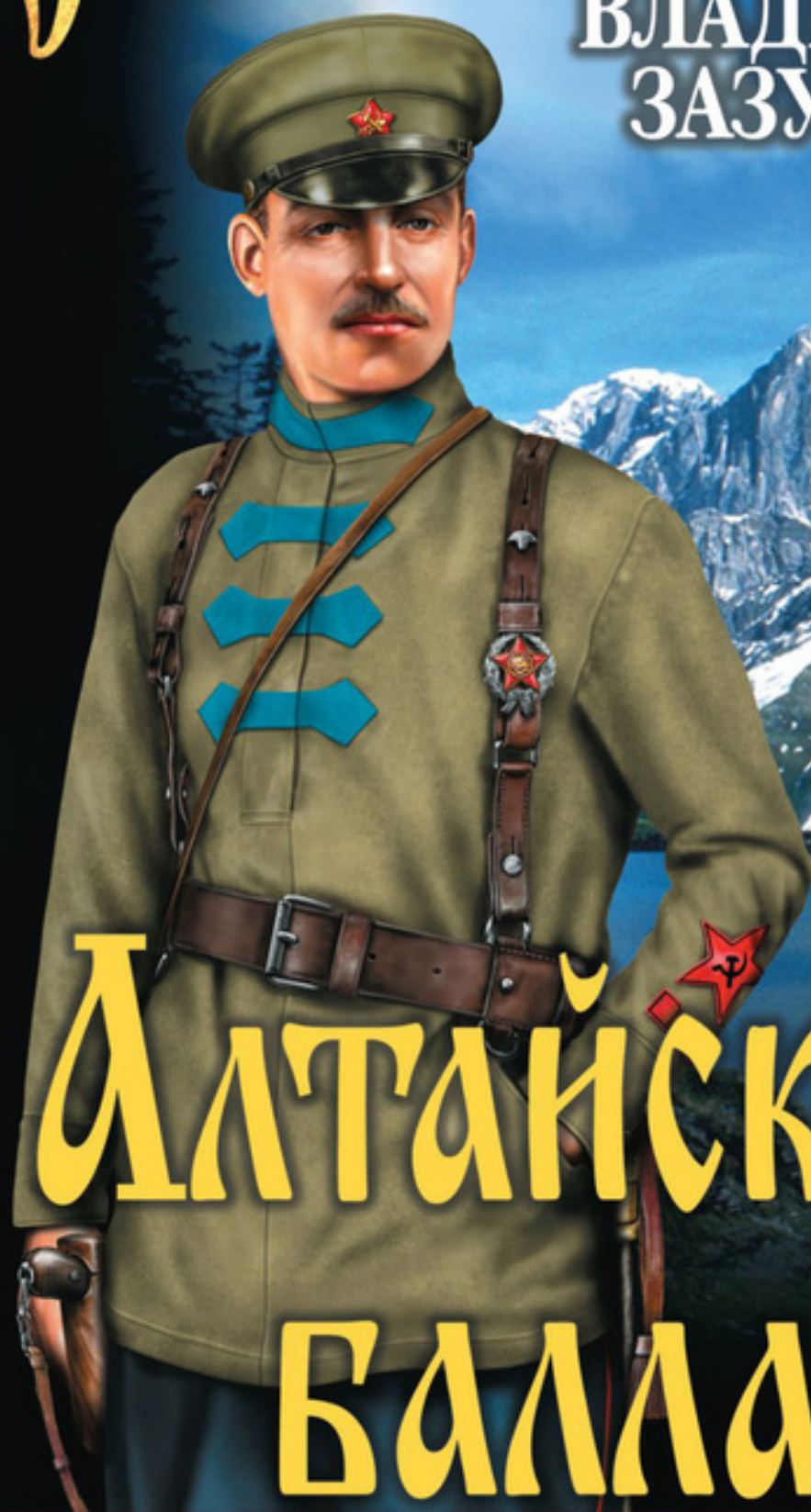

СИБИРИАДА

ВЛАДИМИР
ЗАЗУБРИН

АЛТАЙСКАЯ
БАЛЛАДА

Сибиряда

Владимир Зазубрин

Алтайская баллада (сборник)

«ВЕЧЕ»

2010

Зазубрин В. Я.

Алтайская баллада (сборник) / В. Я. Зазубрин — «ВЕЧЕ»,
2010 — (Сибириада)

Владимир Яковлевич Зубцов (1895–1938), он же – талантливый русский писатель Владимир Зазубрин, сам пережил все ужасы Гражданской войны, успев повоевать и в армии Колчака, и в красной кавалерии, и в органах ВЧК-ГПУ. В книгу вошли лучшие произведения писателя. Роман «Горы» (1925) – о судьбе двух братьев, Иване и Федоре Безуглых, коренных сибиряках, воевавших за свободу родного края, но очень по-разному воспринявших новую, советскую власть. Повесть «Щепка» (1923), или «Повесть о Ней и о Ней», явилась первой, правдивой и страшной в своей подлинности, картиной «классовой революционной борьбы», показавшей ее изнанку. К тематике повести примыкает и рассказ «Бледная правда» – простая и жуткая в своей безысходности история человека, захотевшего жить «по правде», а не по новым революционным законам.

© Зазубрин В. Я., 2010

© ВЕЧЕ, 2010

Содержание

Горы	6
Часть первая	6
1	6
2	27
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Владимир Зазубрин

Алтайская баллада

©ООО «Издательский дом «Вече», 2010

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Горы

*...им же высота яко до небесе и в горах тех клич и говор; и секут
гору хотящие просеиися.
Нестор. Летопись, 1096 год*

Часть первая

1

Враг топтал хлебные поля, расхищал зерновые запасы, резал молочный скот, ломал плуги. Незасеянные пашни обрастали космами полыни. Некошенные степи сохли и лысели. Иван Безуглый ехал на один из боевых участков. В скором поезде Москва – Новосибирск он записал в своем дневнике:

«Мобилизовали на работу в деревню. Согласился с радостью. Я люблю горячую работу. Есть у меня в горах и еще одна зацепка... Я очень доволен».

Безуглый подолгу стоял у окна. Ноги его были широко расставлены. Он сохранил мускульную память о железе, мешавшем ему полтора года перед революцией. В круговращении кривых, голых березняков и болот Барабы, в мелькании телеграфных столбов, в шуме неостанавливающихся разъездов, в реве колес и в дыме мчался его тридцать третий год. Избы деревень серыми утками мирно плыли мимо, тесными стадами окружая лебединые белые груди церквей. Поля сражений были пусты. Нигде не было ни окопов, ни колючей проволоки.

Война шла незримо.

* * *

Пароход распустил черную гриву дыма. С грохотом втянулись сухие языки схода. Город закачался и отплыл.

Безуглый любил Новосибирск, город-юношу в гремящей прозодежде. Безуглого никто не провожал. Он махал платком ему – молодому.

По палубе от носа к корме пробежала длинная тень. Город пронес над пароходной трубой свою руку – железнодорожный мост.

Пароход остался один.

Широкая река шуршала на песке отмелей. Правый берег лежал ноздреватым ломтем ржаного хлеба. На берегу у деревень стояли бабы со вздувшимися животами и с ребятами на руках. За околицами плескались гогочущие гусиные стаи, паслись отары овец, стада коров.

Земля была плодородна.

Безуглый улыбался земле и беременным бабам. На горизонте работал городской юноша. Его высокие, угловатые плечи дымились. Безуглый снял шляпу и помахал ему в последний раз. Ветер бросил Безуглому в лицо холодные капли воды и теплый запах свежего хлеба. Он сел на рубчатую белую скамью. Солнце положило ему на лицо, на грудь, на живот горячие золотые полосы. Он зажмурил глаза. Сотни оранжевых пауков закачались в прозрачных тенетах...

Под Безуглым ранили лошадь. Он стал отставать от отряда. Пули догоняли его. Лошадь упала с перебитыми ногами. Всадник едва успел освободиться от стремян. Его тяжелые сапоги скользили по каменистой узкой тропе. Над ним обломками остроносых кораблей громоздились

скалы. Далеко внизу чернел хаос сломанных мачт леса, белел смятый парус реки. Шума воды Безуглый не слышал.

Пуля пробила ему спину и грудь. Он упал на колени. Кровь залила горло и рот. Раненый увидел, как погрузились носы, кормы и мачты разбитых кораблей и высоко поднялись крутые, темные волны. Он захлебнулся и выбросил руки вперед, чтобы плыть. Боль ожога опалила живот. На мгновение он понял, что качается с раскинутыми руками на смолистой паутине веток. Кедр затрещал под ним и пополз в пропасть к зеленым омутам ревущей реки.

Безуглову стало очень тепло. Ему казалось, что он лежит животом на печке. Он с трудом открыл глаза, поднял голову. Кругом шумела и пенилась вода. Над ним стоял высокий серобородый мужик с длинным белым удилищем в руках. Река вынесла раненого на большой, нагретый солнцем камень.

Раненый потерял сознание.

Он лежал на спине, на чем-то мягком. Под головой у него – подушка. Светлый четырехугольник искрился пылью на земляном полу против двери. Окон не было. Полутемные углы заставлены пустыми ульями, бадейками, корытцами. Грудь, живот, руки у раненого туго спеленуты.

Серобородый резал хлеб. Хрустела поджаренная корка. Каравай раскрывался пахучими, мягкими глубинами. Из туссы свисала в широкую чашку желтоватая лента меда. Серобородый склонился над Безуглым и стал класть в рот ему большие, набухшие медом куски.

Ветер заскрипел дверью, взвихрил с пола пыль. За стеной залаяла собака. Серобородый поднял голову, торопливо поднял чашку и вышел. Дверь захлопнулась. Избушка заполосатилась золотыми щелями. Безуглый услышал стук копыт и бряцание оружия. Он перевернулся на бок и прижался лбом к щелевой стене. В прозрачных тенетах качались оранжевые пауки. Жирные травяные заросли закрывали горизонт. Трава шуршала и колыхалась под чьими-то сапогами.

В ранах кипел расплавленный свинец. Глаза слезились. Избушка щелилась дырявой паутиной. Раненый замер в мягких качающихся тенетах...

Безуглый открыл глаза. Избушка серобородого Андрона исчезла. Черные тучи заслонили солнце. Ветер похолодел. К Безуглову подошел помощник капитана, в руках у него были блестящие билетные щипцы.

* * *

Вода в Оби почернела. Туман выбелил берега. Пароход широким ножом прожектора прорубал себе дорогу. Водяная пыль шумела в колесах. В машинном отделении шевелились шестерни. Пароход подрагивал.

Безуглый невидящими глазами смотрел на воду...

Над горами трепетали серые холстины туманов.

Андрон снял с треноги котелок, положил в костер сырых гнилушек. Дым лохматыми шкурами закрыл пасеку. Андрон подошел к избушке, поставил котелок на стол, неторопливо перекрестился на восток, разломил большой белый калач.

– Питайся, Иван Федорыч, бога для.

Безуглый сел рядом. Уха из хайрюзов искрилась жиром и паром лезла через края копченной посуды. Сначала они схлебали щербу, потом выложили в корытце рыбу, крепко посолили. Брали руками. Ели долго и молча, обжигаясь и пачкая бороды. После рыбы на столе в новеньком корытце появился мед – большая золотистая осетина и глубокое деревянное блюдо с холодной водой.

– Макайте, Иван Федорыч, получайте, бога для.

Андрон несколько раз рыгнул, вздохнул, обсосал с бороды медовые золотинки, облизал пальцы, вытер их о свою пушистую голову и встал из-за стола.

– Ну, Иван Федорыч, пошли со господом.

Андрон отвел выздоравливающего Безуглого в пчелиный подвальчик, подождал, пока тот лег на свою моховую постель, загородил его бадейками, пустыми ульями и тихо вышел.

В костре шипели гнилушки. В траве путалась, жужжала выпавшая из улья пчела. Хлюпал ключ. В пихтаче за пасекой тихо хрустели сучья, шуршала трава. Медведица с медвежонком спускались с гор. Они шли ключом почти бесшумно. Их шаги терялись в шлепающих всплесках воды. Иногда только медвежонок наступал на сухую ветку или трескучую дудку дидля¹. Тогда медведица останавливалась, оглядывалась. Она показывала своему детенышу белоснежный острейший клык. Шерсть на затылке и на шее у нее поднималась. Голова делалась косматой, широколобой. Глаза светились зелеными огоньками. Медведица стояла, напряженно обнюхивая невидимые пахучие потоки. Около поскотины она окаменела. В пихтачике открикивал полночь алдодик. Медведица ловким и сильным броском перескочила через изгородь. Медвежонок мышью проскользнул за ней под жердями. В пасеке среди ульев зверь-мать выросла бурым мохнатым пнем. Она схватила передними лапами колодку, сорвала с нее крышку и сунула зверенышу. Медвежонок заворчал, взвизгнул, залез в улей по грудь, вымазался в меду до пяток. Медведица сопела, чавкала.

Луна золотым лучом раздвинула туман. Шерсть зверей заблестела в мелких капельках росы. Мед из разодранных ульев сочился янтарем. Пчелы в меду шипели черными кучками углей. Звери жрали жадно и торопливо с воском и пчелами. Языки, носы и губы у них опухли от укусов. Пчелы защищались яростно.

Андрон вышел из избушки, громко зевнул. В костре, в серой куче пепла, краснел уголек. Андрон встал на четвереньки и, заматавая бородой золу, подул в ослабевший очаг. Дым заползал по земле серыми космами, задрался кверху, повис над пасекой.

Медведица ударила медвежонка по морде, оттолкнула от колодки. Звери медленно полезли в гору. Животы у них были туги и тяжелы. Сырая трава ложилась за ними двумя бороздами, точно по ней протащили две лодки.

Андрон пробормотал скороговоркой молитву и ушел в избушку досыпать последний час ночи.

Звери долго лакали воду в вершине ключа и там же залегли. Мать стала облизывать своего детеныша.

Андрон встал с солнцем. Неровный огненный ком выкатывался на зубчатые гребни гор. Снежные поля вершин горели. Ниже ходили туманы. Круглые горы, похожие на юрты, дымились. Андрон ладонью закрыл глаза от солнца, поднял голову.

– Топятся горы, к дождю.

Хозяин пасеки неожиданно насторожился. Несколько раз он с шумом носом потянул в себя воздух.

– Шибко медом наносит.

Его глаза забегали по ульям.

– Пчела бунтует.

Сделал несколько шагов и увидел. Три крайних улья были разбиты в щепки. Пчелы старательно собирали с них остатки медвежьего ужина. Около ключа на береговой грязи заметил следы зверя.

– Востропятый зверь, медведуха.

Следы шли в гору двумя полосами.

– С дитенком была. Самка свежая.

¹ Дидль (дидель, по Далю – дягиль) – зонтичное съедобное растение лесных полян.

Из подвального вылез Безуглый.

– Федорыч, гости у нас медку откушали.

Андрон издала показал Безуглому следы зверей.

– Не одушний, близко не подходи. Зверишко шибко чуткий. Седни караулить будем.

Андрон, улыбаясь, полез под крышу подвального.

– Баушку надо припасти... Прймай.

Он подал Безуглому тяжелую кремневую винтовку. Ложа у нее была самодельная, полторааршинный шестигранный ствол кончался широким раструбом.

Андрон старательно прочистил ружье, продул. Из кожаного мешочка достал самодельную тяжелую пулю (восемь штук выходило из фунта), положил ее на ладонь и стал засыпать порохом. Когда свинцовый орех исчез в кучке сизых песчинок, Андрон заткнул пороховницу. Так он мерял звериные заряды.

– Ронкое у меня ружье, Федорыч.

Охотник поднял перед собой обеими руками дедовскую фузею и, откинув голову назад, любовно оглядел ее от макушки до конца корявой березовой ложи.

– Из рук плывет вешшина.

Андрон весь день был весел, работал легко и быстро. Его жгло охотничье нетерпение, и работой он торопил время. Он часто посматривал на небо.

В полдень на другом берегу Талицы выросли четыре всадника. Безуглый спрятался за избушку. Андрон весело и успокаивающе крикнул:

– Свои, сын, старуха моя, сноха, стряпка едут. Чай пить с мяконькими будем, выходи.

Всадники спустились с бома². Лошади напились и осторожно побрели через реку. Вода шипела и кудрявилась белой пеной около их блестящих медных колен. В пасеку они вошли мокрые. Рыжие ноги их и груди потемнели. Лошади тяжело дышали.

Первым ехал Мартемьян. Он напоминал неоперившегося гусенка – узкоплечий, с большим острым кадыком на длинной, тонкой шее, с рыжим редким пухом на подбородке и губе. Не слезая с коня, Мартемьян снял войлочную шляпу, поклонился и сказал басом:

– Здорово ночевали, крешшоны?

Андрон взял за повод коня жены и не спеша ответил на приветствие.

– Сами-то здоровы ли, скотина как, домашность?

Лошадей поставили под тесовый навес, разложили курево, расседлали, сняли с них большие кожаные сумины. Пышнозадая жена Андрона, широко расставляя короткие ноги в полосатых половичных чембарах³, подволокла сумины к избушке.

– Мяконьких, отец, привезла.

Работница быстро оглядела Безуглого и отвернулась. Безуглому показалось, что у нее едва заметно дрогнули брови и чуть порозовели щеки. Безуглому стало вдруг легко и весело. Он, сам не зная для чего, зашагал к реке, остановился на берегу и стал тыкать палкой в воду. Голубая река гремела галькой на шиверах, закипала молоком на порогах. Сырые пихтачи зубчатыми зелеными стенами берегли обильные воды. Безуглый долго бездумно стоял на берегу с палкой в руках.

На пасеке толстая хозяйка собирала обед и спорила с мужем. Андрон говорил строго и властно.

– Мольчи, ково ты понимать. Власть ноне не крепкая пошла – круть-верть. Седни алтайцы Карманка Телезиков с Кадыткой придут мужикам головы рубить – власть, завтра красный Укке Уковец придет мужиков к стенке ставить – власть, послезавтри наши мужики-бан-

² Бом – скалистый обрыв на дороге или тропе.

³ Чембары – широкие (обычно холщовые) мужские штаны.

диты с капитаном Огородовым заявятся нас судить – тоже власть. Вот и привечаю человека. Може, ихняя возьмет и возьмет надолго.

Увидев Безуглого, Андрон замолчал.

Обедали под навесом около избушки. Стол был накрыт пестрой скатертью. Женщины сидели в цветистых ситцевых сарафанах. Безуглый и работница часто встречались взглядами. Она отводила блестящие глаза в сторону и краснела. Он задерживал руку с полной ложкой и расплескивал.

Теплый дождь быстро отшумел на крыше избушки и ушел за реку, закрыл пихтачи прозрачной, зыбкой сеткой. С гор потекли хмельные медовые запахи. В пасеке зажужжали приводные ремни невидимой машины, и сладкий цветочный сок закапал в восковые граненые сосуды. Пчелы гудящим дождем лились на ульи. Андрон без шапки, в длинной белой рубахе стоял среди пасеки с ножом и курящейся гнилушкой в руках. Румяное, круглое лицо его сияло. Он был похож на деревенского косматого жреца. Мартемьян громыхал железным баком медогонки. Безбровая белесая сноха несла свекру корытце для меда. Толстая Лепестинья Филимонова одевала сетку. Работница мыла посуду, стучала деревянными чашками.

Сетки потом одели все и с длинными, узкими ножами по двое расселись около ульев. Работница широкими корытцами таскала мед в большую кадку, в подвал. Безуглый безучастным зрителем сидел на обрубке около костра. Работница быстро проходила мимо, и Безуглый чувствовал каждый раз на своем лице теплые волны воздуха и видел пестрый плеск складок ее сарафана. Он не поднимал глаз, но знал, что она смотрит на него, и ему хотелось, чтобы она чаще проходила мимо.

Сетки закрывали работающих от головы до живота. Оттого у них не было ни плеч, ни шей. Они стояли перед ульями серыми каменными бабами. Перед ними на тоненьких ниточках были привязаны маленькие, качающиеся облачка дыма.

Из рамочных ульев мед вынимал только Андрон и сам носил к медогонке. Проходя мимо Безуглого с белыми медовыми рамами, он бросил ему:

– Вот, Федорыч, мои книги.

Безуглый посмотрел и согласился, что рамы были похожи на толстые книги. На полке около медогонки они стояли ровным рядом. Андрон ткнул пальцем:

– Библиотека.

Мартемьян стал крутить ручку медогонки. Медогонка загудела, и мед полился из восковых сосудиков в железный бак. Безуглому казалось, что кругом в траве бьются медовые жилки и мед течет по ним со всех гор прямо в пасеку, в хитроумную машину Андрона.

Ворота поскотины скрипнули. Безуглый обернулся. В пасеку вошел коротконогий, большоголовый человек. Толстые, прямые, колючие волосы, точно пучки засохшей и покрасневшей сосновой хвои, закрывали его щеки, и губы, и подбородок, торчали из-под шляпы. Неподвижные глаза казались сделанными из зеленых камней. Густые рыжие брови походили на прижатые уши филина. Нос напоминал клюв.

Андрон потемнел.

– Медку ли, чо ли, тебе, Елоп?

Елоп сел за стол, снял войлочную шляпу и пискнул тонким, птичьим голосом:

– Медку.

Он медленно повернул свою тяжелую голову в сторону Безуглого. Левый глаз у него был полузакрыт. Он точно целился. Безуглый чувствовал, что Елоп только повернул в его сторону лицо, а смотрит куда-то мимо. Ел он, не глядя в чашку, ронял мед на стол и себе на рубаху.

Андрон оглядывался и вполголоса говорил Безуглому:

– Сумной он, говорю, Елоп-то, все в себя глядит. Никому никовда ни здравствуй, ни прощай не сказывливат. Боль в ём глубокая.

Елоп на четвереньках припал к ключу, напился и, не взглянув ни на кого, вышел за ворота. На правом боку на поясе у него болтался большой, прямой нож в грубых деревянных ножнах.

– От народа он отдалился, сколь годов теперь все один в тайге.

Андрон посмотрел на тропу, по которой ушел Елоп.

– Фарт ему большой на зверя. Никто боле его не добывает.

Андрон переступил с ноги на ногу, помолчал, покосился на Безуглого.

– Стрелец он у нас первый... Бывало, и я ему не удавал. Он у сына яйцо с головы сшибал из малопульки. Я у Тяночки, Мартемьяна тоись, серебряный гривенник из пальчиков выдергивал тоже пулей... Выпили мы с им одна на масляной неделе, и зашел у нас спор. Я, говорю, признаю тебя за стрелца, но и сам могу не хуже. Он смеяться. Свету я не взвидел, взяла меня зарась. Давай, говорю, распилим сутунок, отовда и стрелим. Распилили мы бревно, смешалась у нас кровь у обоих. Я поставил Тяночку с гривенником, схватил винтовку, мушка козлом скачет, руки у меня чужие. Стоит сынок мой, улыбочиво смотрит на меня, ждет. Испугался я, вразумил, видно, восподь, и подумалось мне, что понапрасну из гордости глупой могу я погубить руку помощника своего скорого, взял и слукавил, побочил ружишко и стрелил мимо.

Андрон замял в рот кусок бороды. Безуглый шагнул к нему.

– Ну?

Борода закрипела на зубах Андрона.

– Становит и он своего парнишечку, кладет ему на самое темечко кружочек деревянный, нарочи излажен был, на кружочек – яичко и отходит на полета шагов. Парнишечка у его сметливый был, даром что малой. Понурился он и серьезно так и жалостно говорит отцу: «Убьешь ты меня, тятя, руки у тебя ослабли». Елоп аж ногой топнул, изматерился и захрустел курком. Жаль мне стало мальчонку несказанно. Хочу схватить Елопа за стволину, нарушить спор наш неразумный и не могу. Отвернулся я, зубы сожал, мольчу. Он и лупанул его прямо в лоб. Так парнишечка и пал снопиком.

Безуглый шумно вздохнул, схватился за голову.

– Насилу я Елопа от станowego откупил, сколь меду, масла свез, медовухи сколь выпоил.

Безуглый махал руками и быстро уходил к реке.

К вечеру костер на пасеке был потушен, курево убрано, женщин с Мартемьяном затворили в избушке, запретили им разговаривать, кашлять и выходить. Андрон и Безуглый залегли под разлапистым кустом черемухи ждать зверя.

Звери пришли с темнотой, неслышно подкрались к самой поскотине, затаились. Над пасекой тянул теплый ветер. Трава с шелестом покачивалась. Осины хлопали листьями. Медведица фыркнула, оцетинилась, отскочила от изгороди. Медвежонок жался к ее заду. Звери пошли к реке. Их когти зазвенели на береговой гальке. Они обошли пасеку с другой стороны, перелезли через кучу бурелома. Мертвые листья зашумели, треснуло несколько веток. Андрон защекотал ухо Безуглому пушистыми усами, зашептал:

– Ветер вредный, нанесло, учуяла.

Запах меда непреодолимо тянул зверей. Звери были голодны. Медвежонок скулил. Медведица тихо ворчала. Два раза они обошли вокруг пасеки и остановились. Ноздри медведицы трепетали, уши стояли неподвижно. Ветер залег, трава и осины замолчали. С гор поползли охлажденные сырые слои воздуха. Андрон взял щепоть сухой мелкой травы и подбросил ее около лица Безуглого. Соринки, падая, сместились в сторону.

– Потяга добрая с гор.

Андрон пощупал мокрую от росы ложу винтовки. Небо было в тучах. Безуглый с трудом различал ближние белеющие улы. Он лежал на животе. Его лицо почти касалось земли. Земля, сытая и мягкая, пахла закисшим тестом. Андрон повел носом.

– Чую, здесь зверишка, псиной от него наносит.

Безуглый положил голову на землю. Он слушал, как шевелятся и сосут влагу корни травы. Человек был счастлив. Он был жив и здоров.

Резко щелкнул курок кремневки. Безуглый подумал, что кто-то сломал сухую ветку. Он вздрогнул и сразу увидел и большого, черного, горбатого зверя с ульем в лапах, и маленького жрущего звереныша, и красный пучок искр на полке ружья. Порох не вспыхнул. Андрон схватился за пороховницу. Медведица перестала жевать, но не убежала. Безуглый ясно слышал, как чавкал медвежонок. Тучи разошлись. На луне звери были хорошо видны. Они казались больше своего роста.

Андрон снова поднял ружье. Саженный сноп пламени вырвался из раструба кремневки. Земля качнулась под Безуглым. В горах загремело. Огромная пуля не остановила медведицу. Зверь бросил улей, черной кошкой переметнулся через поскотину, зашебарчал галькой. Несколько широких прыжков его схлупали на воде. Седая полоса речного тумана разорвалась. Темной бороздой между ее закачавшихся концов лег след зверя. За рекой затрещал бурелом.

Медвежонок ничего не слышал и не видел. Он жрал. Андрон с размаху всадил ему под левую лопатку широкое жало охотничьего ножа. Медвежонок пискнул, перевернулся на спину и замахал пушистыми толстыми лапками.

Высоко над пасекой, на другом берегу Талицы закричали вороны и черными листьями осыпались с большой сухой березы. Береза закричала в кривых когтях зверя. Зверь встал на дыбы и, лохматый, огромный, двуногий, тянулся руками к сучьям, ломал их, скреб, всхлипывал, фыркал. Из носа, изо рта, из подстреленных боков у него обильно текла кровь, шерсть, намакая, склеивалась в сосульки. Лапы у зверя задрожали. Он сел на зад, обнял березу, прижался горячей головой к стволу дерева и заревел. Его рев прогреготал лавиной, ломающей скалы. Зверь поднял окровавленную морду. Круглая, сверкающая льдина в небе рассыпалась мелкими кусками, и куски эти погасли. Зверь рухнул на спину, перевернулся на живот и застыл рыхлой, косматой копной. Из его ноздрей, покачиваясь, потянулись витые струйки пара.

Андрон травой вытер нож, сунул его в ножны. Медвежонок затих, обмяк. Кровь текла из него горячим ручейком. Винтовка в руке Андрона еще дымилась. Дым выгибался из дула едва приметными ленточками.

Андрон прислушался. Талица текла с глухим шумом. Черные зубчатые стены пихтачей на горах были безмолвны. Вершины сияли синеватыми снегами. Под ногами около разломанных ульев беспомощно ползали пчелы. Андрон нагнулся, взял кусок меда, пожевал, пососал, громко выплюнул вощину. Из избы вылезли заспанные женщины. Андрон взглянул на них, стукнул об землю прикладом.

– Говорите – слава богу. Тащите, бабоньки, пива.

Несколько чашек древнего медового напитка опьянили Безуглого. Андрон тоже захмелел. Он обнимал одной рукой Безуглого, другой держал полную чашку медовухи.

– Вот ей, Федорыч, и спасаюсь.

Он шурился, заглядывал собеседнику в глаза.

– Белы ли, красны ли придут у меня коней или скотишко ликвидировать, я сейчас с лаской, с поклоном. В горницу, мол, прошу, господа-товарищи, да как поднесу имя ее ланишной стаканчика три-четыре – и дело с концом. Глядь, и про коней забыли, и лучшее Андрона человека на свете нет. Она, милой, у любого ум вышибат.

Андрон отхлебнул из чашки.

– Мастерица у меня Лепестинья варить ее.

Безуглый поморщился, стряхнул с плеч руку Андрона, встал. Андрон поднялся за ним, смутно забеспокоился.

– Ты, милой, прости меня, мужика темного, если я что не ладно молвил. Я ведь тебя, как дате, с реки на руках принес, от бандитов схоронил.

Андрон пьяно качнулся.

– Жисти для тебя не щажу. Ты эта запомни.

Он опять обнял Безуглого.

– Живи у меня, Федорыч, поправляйся. Дух-то чуешь какой на пасеке, голову обносит, захлебнуться можно медом.

Андрон жадно раздувал ноздри, грудь его поднималась. Он обводил горы медленным, отяжелевшим взглядом. Небо лежало опрокинутым синим блюдом. Луна прилипла к его дну светлым куском меда, звезды свисали медовыми каплями. Трава, густо закапанная сладкой росой, светилась.

Андрон широко взмахнул руками.

– Всю вселённую восподь медом оплеснул.

Утром Андрон на коне перебрел реку, поднялся кровавым следом к сухой березе. Зверь лежал холодный и мокрый. От росы шерсть на нем поседела. Конь беспокойно косился. Андрон слез с седла, ткнул ногой медведицу в зубы.

– Не зори мою пасеку.

Он сел зверю на спину, вытащил брусок и нож, зашаркал сталью о камень. Мясо у медведицы было розовое, жирное. Андрон выпачкался в сале по локти. Ободранный зверь восхитил его своей мраморной мускулатурой.

– Пахать бы на ём. Силищу каку дал восподь дикой твари.

Маленькая баня за пасекой на самом берегу Талицы дымилась с утра. Лепестинья Филимоновна берестяным ковшиком плескала на каменку квас с мятой и с какой-то одной ей известной травкой. Из окна, из двери изо всех щелей банных вместе с печным жаром вырывались запахи цветов, свежего сена и березовых листьев.

Андрон вернулся к обеду веселый. Белая рубаха на нем была в сальных пятнах и в крови. За седлом болталась темная шкура зверя. В руках он держал туяс с медвежьим салом.

– Федорыч, лекарство тебе везу.

Безуглый поблагодарил.

В бане они мылись вместе. Горячий пар густо стоял в закопченной избенке от пола до потолка. Андрон щедро лил на каменку душистый квас и веником хлестал Безуглого от плеч до пяток. Безуглый покорно переворачивался с живота на спину, со спины на живот и с одного бока на другой. Под конец он не мог пошевелиться. Тогда Андрон тщательно натер его прозрачным медвежьим салом. Безуглый закрыл глаза и задремал. Он чувствовал, что в теле происходит что-то очень важное и нужное, что, несмотря на усталость, в мышцах скапливаются новые силы.

Земля взметнула горы, как зверь широкие рога. Рога воткнулись в кровавой пузырь солнца, залились кровью. Солнце упало к ногам зверя. Зверь ударил ногами, и по всему небу полетели огненные брызги.

Ночь была звездная и безветренная. В пасеке на осинах чуть дрожали листья. Работница босиком, тихо, не закрипев дверью, вышла из избушки. Около подвальчика она наколола ногу, вскрикнула. Безуглый проснулся. Он увидел ее, когда она, уже раздетая, входила в воду. Низ живота у нее был темен и лохмат, как у медведицы. Безуглый опустил на колени, прилег за большим камнем. Мускулы у него напряглись, утратили гибкость. Он с трудом поворачивал головой за плавающей женщиной.

Речка урчала в каменистых вымоинах, ползала темной гигантской змеей. Пихтачи лежали на горах горбатыми чудищами. Грубая шерсть шевелилась у них на боках и на спинах. Миллионлетья протекли с тех пор, как вымерли земноводные страшилища, но сейчас, как и тогда, самец следил за самкой.

Работница выкупалась и пошла от реки. Безуглый встал навстречу ей и первый назвал ее по имени:

– Анна.

Она вскрикнула, точно снова наколола ногу. Он обнял ее. Она схватилась за ветки пихты. Ее шершавые ладони скользнули по мягкой игольчатой зелени, запачкались клейкими соками дерева. Ноги Анны были упруги и холодны после воды. Она не сопротивлялась.

Тьму веков жила земля. В несчетный раз древний зверь поднял кровавыми рогами солнце и швырнул в небо. Началось утро...

Утро застало Безуглого на палубе. Навстречу пароходу плыли зеленые острова с крикливыми грачиными поселками. Река на восходе была багровой.

* * *

Длинноногая цапля часовым стояла на границе озер и болот. Дальше на рыхлой, тучной земле начинался город. Каменистый костяк его был сожжен и наполовину разломан. Выгоревшие кварталы казались громадными позвонками ископаемого животного. На берегу меловыми отложениями белели мешки с хлебом. Буксирные пароходы около пристаней возникали белобокими чайками.

«Михаил Лашевич» должен был стоять в Барнауле двенадцать часов. Безуглый пошел в город.

В городе мертвые владели лучшим парком. В праздник на кладбище поэтому – нашествие нарядных толп. В воротах ряды торгующих домашним квасом, орехами, конфетами. Над могилами люди грызли и жевали с беличьим проворством.

Безуглый отыскал белую мраморную плиту, на которой было высечено:

Федор Безуглый

красный командир

1900–1921

Он сел на холодный камень. Кладбище было на высоком холме. Внизу, на зеленой подстилке лугов, лежали кривые зеркала озер. Утки летали над ними стайками и парами. Селезни, вытянув шеи, гонялись за самками. Безуглый думал о брате. Веснами они охотились вместе. Теперь труп брата тлел в земле...

Федор погиб в горах накануне последних боев с бандитами.

Остатки отрядов Огородова и Телезекова засели в Кобанде. Взять Кобанду без артиллерии было нельзя. Деревня жалась в небольшой долине за высокими стенами хребтов. С востока и с запада ее бока были голы и круты. С юга горы стояли над ней обмерзшим поднятым воротником шубы. Они были белы от снега. В деревню вела только узкая тропа с севера. Один пулемет делал тропу совершенно неприступной. Артиллерии у Безуглова не было.

Безуглый разделил свой отряд. С меньшей частью остался Федор. Он и с небольшими силами мог удерживать противника, потому что из Кобанды выбраться было так же трудно, как и попасть в нее. Своих всадников Иван отвел на двадцать верст в сторону, на заброшенный рудник. Они взяли там несколько пудов веревок, кайлы и лопаты. Безуглый решил брать Кобанду с юга. Его расчеты были просты. Он знал, что бандиты считали ледяной воротник вполне надежной защитой для своего затылка. Отряд полез к врагу на ворот.

Федор послушался брата. Ночью он с тремя красноармейцами пополз к Кобанде. Он хотел заколоть заставу и напасть на спящих бандитов, не дожидаясь прихода Ивана.

Тучи, тяжелые и черные с вечера, к полночи поредели, посветлели, стали кучами сваливаться за хребты. Луна вражеским прожектором загорелась над горами. Красноармейцы замерли на четвереньках. Они были похожи на медведей. Бандиты заметили их, подняли винтовки. По ущельям пронеслись гулы выстрелов. Красноармейцы были убиты. Федор ранен в левое плечо и бок.

Сознание вернулось к Федору на рассвете. Он лежал на нарах в сельской каталажке. В разбитом решетчатом оконце выл ветер. Федору было холодно. Он застонал, встал с нар, подошел к окну, положил горячую голову на подоконник. Над Кобандой стили розовые ледяные пустыни.

Отряд Ивана лез медленно. Люди и лошади падали на обледеневших склонах, вязли в снегу. Животные дымились, шерсть на них мокла, покрывалась белой пеной. Красноармейцы широко раскрывали рты, утирали рукавами потные лица. Отряд взбирался выше, выше уходила последняя ледяная вершина. Снег становился толще, крепче. Люди бросали лопаты, ложились. Вперед пускали лошадей. Лошади грудью рвали снежные пласты. Люди поднимались и брели за ними.

Федора повели на допрос. На улице около домов кучками стояли бандиты и местные крестьяне. На пленного показывали пальцами, смеялись, целили в него из винтовок.

Допрашивал Огородов – низколобый, черноусый человек в зеленой гимнастерке. Федор отказался отвечать. Огородов сказал пленному, что ему не дадут ни капли воды, ни крошки хлеба и что если он будет упорствовать, то у него снимут повязки. Бандит предложил красному командиру подумать и сделать выбор. Его снова увели в каталажку.

Федор почти весь день простоял у окна. Голова у него была тяжелая. Под ней расслабленно гнулась спина и дрожали ноги.

Горы голубели ледяными полями. Под вечер на их обрывистых скатах запрыгали быстрые тени облаков. Раненому показалось, что он видит отряд Ивана, слышит стук лопат, топот и ржанье лошадей и крики красноармейцев. Он упал на нары.

В вершинах гор рождались льды и воды.

Отряд брел водой, врубался в лед, в камень. На узких и скользких бомах работали, обвязавшись веревками. Шли день и ночь. Ночами льды были сини. На них дрожали огненные звезды. Длинные снежные полосы были похожи на млечные пути. Они обрывались в темные пропасти, упирались в осторребрые черные скалы. Отряд червем переползал через каменные гребни, ущелья, через снега, льды и воды.

Федор метался на нарах, бредил. Он видел, что Иван взбирался на горы. Горы колебались, росли. Лошади валились с утесов, тащили за собой людей. Скалы текли кровью. Иван долбил громадной кайлой. Камни сыпались огненными кусками. Иван учащал удары, поднимался. На голой последней вершине он остался один. Федор бросился к нему на помощь и упал на пол. Пленный проснулся. Над ним стоял бандин с дробовиком в руках и толкал его в бок тяжелым сапогом.

При свете жировика голова Огородова качалась на стене расплывчатой, неверной тенью. Разговаривать Федор опять отказался. Его вывели за деревню, поставили на краю ущелья. Бандиты завозились с дробовиками. Федор посмотрел на пустынные горы, повернулся и легко прыгнул в пропасть. Над ним прогремел одинокий запоздалый выстрел. Горящий пыж падающей звездой проводил его до дна.

В темноте отряд протискивался тесной щелью. Люди лезли ощупью. Безуглый слышал скрежет железа, шорох снежных комьев, храп лошадей и ругань красноармейцев, но никого не видел. Он остановился в полной нерешительности.

Отряду и командиру нужен был отдых. Люди и лошади шатались. Ночь вторых суток подходила к рассвету.

Красноармейцы вытащили из сумок сухари. Лошадям дали овса. Безуглый лег на спину, вытянул ноги, раскинул руки. В нем точно развязался тугой узел. Он мгновенно заснул. Бойцы дремали сидя, засыпали, уронив головы на винтовки, храпели на льду около жующих лошадей.

Безуглого разбудил его помощник – безусый, голубоглазый Обухов. Он стоял с биноклем и смотрел вниз, Безуглый встал с трудом. Красноармейцы позевывали, потягивались. У всех свинец усталости серым румянцем проступил на щеках.

Склон был крут, как стена. Спускаться пришлось на веревках. Лошадям стали связывать ноги. Лошади бились большими темными рыбами в сетях. Вороной жеребец Обухова разорвал путы. Веревки выскользнули из рук красноармейцев. Двое потеряли равновесие, сорвались вместе с конем. Они исчезли в глубокой расщелине, оставив на камнях красные пятна. Безуглый подполз к краю щели. Из каменных глубин тянуло сыростью и холодом. Дна он не увидел. У него закружилась голова.

Над отрядом с клекотом летала большая рыжая птица. Красноармеец Разбежкин вскинул винтовку.

– Красноармейского мяса захотел.

Орел кувырнулся и, роняя перья, с шумом рухнул к ногам стрелка. Выстрел тяжелым молотом упал на льды. Большое голубое поле затрещало и, выворачивая камни, понеслось вниз. На нем, как на ковре, летели красноармейцы и лошади. Безуглый не успел сосчитать даже людей. Грохот их гибели затих быстро.

Снизу к вершине поднялась мелкая снежная пыль. Она тронула горячие щеки бойцов холодными ладонями их мертвых товарищей. Безуглый бросился к Разбежину. Его плоть поднялась над головой красноармейца кривой черной саблей. Разбежкин сел в снег. Кровь из расхлыснутого лба залепила ему глаза. Он не увидел бледного лица командира. Он только услышал:

– Болван!

Безуглый выстроил отряд. У многих на щеках и на носах мороз выжег свои багровые клейма. Бойцов не хватало на четверть. Лошади погибли наполовину. Безуглый спешил здоровых, посадил в седла слабых и обмороженных.

Снега обрушивались под ногами, как минные поля. Белая гвардия вершин колола глаза нестерпимым блеском ледяных штыков. Бойцы сковыривали с ресниц сосульки слез. Лошади по-собачьи садились на зады, визгливо ржали. Люди ласково гладили их мускулистые шеи, тянули за поводя. Отряд канатоходцев двигался под темным куполом огромного цирка. На головы им спускались нити елочной звездной канители. Белая гвардия стояла кругом, как галерка. Она гоготом и гулом отмечала каждое падение – бойца, коня или обоих вместе.

Ночью четвертых суток Безуглый почувствовал пустоту за спиной, оглянулся. Отряд остановился самовольно. Командир круто повернул коня. В спутанных рядах вертелся Разбежкин, взвизгливо выкрикивал:

– Пропадем! Заворачивай оглобли! Кому нужно наше геройство?

В руке у Безуглого кривился синий наган.

– Отряд, вперед!

Из рядов вышли только два человека – Обухов и Помольцев. Остальные не пошевелились.

– Труссы и предатели могут разбегаться по домам!.. Им только придется промаршировать мимо дула моего револьвера. Стреляю я не плохо, поэтому предлагаю для вашего удобства сначала убить меня. Стреляйте, гады, своего командира!

Головы красноармейцев опустились скошенной травой. Один курносый Разбежкин смотрел Безуглову в глаза.

– Ну, кто из вас самый храбрый трус, стреляй!

Безуглый злобно и длинно выругался.

– Разбежкин, десять шагов вперед!

Слова командира, как багор погонщика, зацепили красноармейца за ухо, выдернули его из рядов.

– Стой!

Разбежкин видел черный кончик взведенного курка и не мог остановить своих заплетавшихся ног. Его остановил выстрел. Он взмахнул руками и упал лицом вниз, точно споткнулся о камень.

– Я буду расстреливать каждого десятого. Раз! Два!..

Револьвер поднялся над отрядом и повис в руке командира, как кнут пастуха. До десяти он не досчитал. Отряд пошел. Он опустил руку. Отряд снова остановился. Под ногами лежала голая челюсть ущелья.

– Взводный первого взвода, вперед!

Взводный закрыл обеими руками глаза. Безуглый хрустнул курком. Взводный шагнул в каменные зубы. Отряд спустился по его следам.

На дне отряд в первый раз за весь переход разложил костры. Четырех лошадей закололи на шашлык. Мясо их было красно, как огонь. Бойцы вооружились шомполами. Обгорелое мясо жгло пальцы. Бойцы бросали его в снег, припадали к нему жадными губами. Жир и кровь чавкали в их глотках. Желудки сладостно растягивались. Хмель сытости качал головы. Бойцы с хохотом валились у огней. Сон, как смерть, раскладывал их на снегу.

На последнюю вершину въехали на лошадях. Громадные тени всадников легли на редющие тучи. Кобанду было хорошо видно. Ее избы казались не более ульев. Над ними дымками снарядных разрывов клубились мелкие белые облака. В деревне горели какие-то постройки. Можно было подумать, что Кобанду обстреляла и подожгла неприятельская артиллерия. Бандиты беспечно пили самогон. Они не видели, что высоко над ними тучи несли тени их врагов.

Отряд спустился к поскотине Кобанды. Шальная весенняя метель путала гривы лошадей, трепала полы шинелей. Всадники подняли воротники, плотнее надвинули шлемы. Лошади пошли крупной рысью. У ворот в лицо отряду засвистел снег, смешанный с пулями. Застава отстреливалась и убегала. Всадники скакали за ней, топтали раненых и убитых.

Огородов выскочил на крыльцо. Пуля свалила его у порога. Он успел только увидеть белый клинок шашки в руке Обухова. Обухов отрубил ему голову.

На выстрелы вошел в деревню отряд Федора. Пленных заперли в кержацкой молельне. Красноармейцы столпились около головы Огородова, ногами гоняли ее, как мяч. Их растолкал маленький Помольцев. Он поднял голову, присолил, завернул в рваные портянки, спрятал ее в свои сумины. Красноармейцы гоготали, как гуси. Помольцев поплевал на руки, обтер их о штаны.

– Наши так не поверят, им пошшупать надо. По всему райвону буду звонить.

Он поставил ногу в стремя. Огненный клинушек его бороды мелькнул над черной гривой коня.

Федора нашли вечером. Иван опустился около брата на колени, взял его за руку. Рука не гнулась и была холодна...

Иван встал на ноги. Мраморная могильная плита была холодна, как рука мертвого брата. Ему показалось, что брат лежит не в земле, а рядом, как тогда в ущелье. Он вспомнил длинное, изломанное тело Федора, его лицо – чужое, синее, в кровоподтеках, но с таким знакомым мягким русым пушком на верхней губе. Иван провел рукой по лицу, точно хотел убедиться, что сам он еще жив. Братья походили друг на друга, как близнецы, хотя Иван был старше, более круглолиц, шире в плечах и на голову выше Федора.

Иван понимал, что считать Федора живым нелепо, и вместе с тем думал прийти на пароход, разыскать брата, сесть с ним рядом и сказать ему:

– Федя, я сейчас был на твоей могиле.

* * *

Солнце обильно полило полноводную Обь жиром. В густой воде медленно плыли тяжелые плоты. Пароход причалил к последней пристани. Баржи, берег, склады в Бийске были завалены хлебом так же, как и в Барнауле.

Безуглый нанял в городе лошадей. На переправе через Бию он неожиданно встретился с Петром Парамоновым. В гражданскую войну они служили в одном полку. Парамонов заставил Безуглого заехать к нему на текстильную фабрику. Безуглый пробыл у него остаток дня и ночь. Лег он перед рассветом. В комнате, как в каюте, дрожал пол, дребезжали стекла. На сотни сажен кругом земля колебалась, как вода у бортов парохода.

Днем Безуглый обошел все фабричные корпуса. Красные вымпелы над станками ударников шелестели, как боевые знамена в походе. Безуглый думал о боях в селе. Армии собственников отступали. Отряды победителей закладывали свои опорные крепости – фабрики зерна, масла, мяса.

Безуглый не мог уснуть. В город всю ночь двигались обозы с хлебом. Он слышал ржанье лошадей, тяжелый скрип телег, голоса возниц и удары бичей. Он чувствовал близость полей войны.

Утро зазвенело бубенцами. Ямщик кнутовищем постучал в окно. Безуглый свалил на пол стул с одеждой, уронил дневник. Из тетради выпал синий конверт, склеенный тестом. Безуглый поднял письмо и перечитал его в двадцатый раз. Он сам расставил в нем знаки препинания.

«Дорогой товарищ Иван Федорович, посланные ваши деньги – пятьдесят рублей – и письмо с запросами получила и двадцать копеек отдала кольцевнику за доставку. Паров припасла на полдесятины, пахать у нас некому, мужик в доме один, и тому только седьмой годик минул. Приезжайте скорее потому, как признаем вас за мужа и за отца и кланяемся, и еще кланяется сын ваш Никита. Известные вам Карманка Телезек и Кадытка, амнистированные бандиты, живут в нашем селе Белые Ключи, рядом с коммунистом Помольцевым. Карманка служит по пушнине и в охоткапирании. Андрон Морев замазал медом глаза всему сельсовету и живет с песнями. Брат ихний Сюта попал на зуб уполномоченному Обухову и через то сидит в домзаке по сто седьмой статье за хлебные излишки. В ячейке у нас больше молодняк, а баб только мы с учительницей. Еще в ячейку у нас заступил боевой товарищ амурских лесов, партизан и первый тигрятник Петр Рукобилов, назначенный объезчиком. В сельсовете в председателях ходит Левонтий Желаев. Работник он тихой и начальник не страшный. Мужики поят его медовухой, и он делает, што им нада, и укрывает объекты. Черного зверя у нас сила, а ружьев добрых ни у кого нету. Летошний год сколько пасек позорил, в совхозном маральнике задавили маралуху и одного рогача, сколь коней у крестьян испредрали. Охотники дожидаются вашу винтовку. Мы, сельсовет, просим вас протереть кое-кому глаза и повытряхать некоторых элементов, не питательных для советской власти. Больше писать нечего, как ждем вас лично.

Писала ваша жена, активистка Анна Бурнашева».

Безуглый бросил письмо на подушку и босой, в одном белье, заплясал около кровати.

– Едем! Едем! Едем!

В дверях смеялся хозяин. Гость подбежал к нему, закружился с ним по комнате. Хозяин вырвался, тяжело сел на стул. Его круглое, бритое лицо покраснело. Широкая лысина покрывалась мелкими капельками пота. Он был толст. Гость, прыгая на одной ноге, стал надевать штаны. На голове у него закачался длинный русый вихор.

За чаем Парамонов спрятался в газету, спросил:

– Ну а как ты относишься к соленым огурцам?

Безуглый трубой раскрыл рот, загремел:

– Хо! Хо! Хо!

Парамонов выкрикнул, давясь смехом:

– Жрешь?

– Жру.

Товарищи копытили каблуками пол, ржали.

В полку часто смеялись над непомерной любовью Безуглого к соленым огурцам. Он в каждой деревне тотчас после боя, входя в избу, начинал разговор с неизменного вопроса:

– А соленых огурчиков вы нам не дадите, хозяйюшка?

Парамонов поставил на стол тарелку с огурцами. Безуглый схватил любимый свой овощ прямо руками и сочно захрумкал.

За городом Безуглый оглянулся назад. Город лежал кочковатый и серый, как весеннее ледяное поле. Над ним содрогались и скрежетали высокие ледаколы – фабрика и завод. Безуглый даже сказал вслух:

– Мы строим ледаколы.

Ямщик через плечо одним глазом посмотрел на пассажира.

– Закурить у вас не будет, гражданин?

Безуглый не курил. Ямщик вздохнул, вынул кисет, стал крутить собачью ножку. Лошади рвали у него из рук вожжи, гремели бубенцами.

Снег с полей сошел недавно. Поля, сырые и темные, в бурых полосах прошлогодних нив, напоминали шкуру линяющего зверя. Около Катунь остановились, напоили лошадей. На другом берегу стояли обозы с хлебом. Крестьяне с руганью и криком заводили на паром тяжелые телеги. Река набухла толстой голубой жилой.

Безуглый открывал глаза при проезде через деревни – будил лай собак, и на деревянных мостах громко стучали копыта лошадей. Весь день он ехал в полусне.

Вечером ямщик распряг лошадей около поскотины большого села. Безуглый спал. Ямщик разложил костер, повесил над огнем закопченный чайник.

* * *

В тайге было темно и сыро. Рядом с дорогой в буреломе трещал медведь. Лошади лезли из оглобелей, храпели. Над дугой летали серые круглоголовые птицы.

Безуглый зябко повел плечами, положил к себе на колени винтовку.

Деревья отошли от дороги. Под ноги лошадям белесым пятном подвалилась небольшая поляна. На дорогу упал теплый клуб дыма. Залаяли собаки. С дальнего края поляны встал темный конус юрты. Над дымовым отверстием метелью рассыпались искры.

Безуглый вошел в юрту. Полуголые алтайцы сидели около пылающего очага. В круглом чугунном котле кипел чай. Старуха в рыжих овчинных штанах возилась с берестяной зыбкой, молодая женщина курила трубку, кормила грудью ребенка. У стен стояли кожаные мешки с кислым молоком, кучей валялись шубы. Над головами сушилась шкура небольшого зверя.

Старуха взяла у женщины ребенка, положила его в зыбку, зажгла пучок сухого вереска.

Тридцатоголовая огонь-мать,
сорокаголовая девица-мать,
варящая все сырое,
оттаивающая все мерзлое, спустись,
окружи и будь отцом,
спустись, покрой и будь матерью.

Безуглый слушал заклинания старухи, смотрел на мускулистые тела, на широкоскулые лица, медно-красные от огня, и вдруг увидел, что он сидит в кругу своих далеких предков, что столетия стремительно протекли назад.

Да посеешь ты
и станешь беззубым стариком...
Чтобы расти тебе со следующим братом
на сотни лет.
Да ездить тебе на скакуне.

Безуглый поднял голову. Сквозь дым на черном небе были видны крупные золотые звезды. Он подумал, что тысячу лет назад небо было так же черно и звездно и так же сидели вокруг огня полуголые люди.

Передние полы у тебя пусть ребенок топчет.
Задние полы пусть скот топчет.
Пусть детей у тебя будет столько,
сколько у тальника почек.

Старуха отдала ребенка матери, села к огню, набила большую трубку. Вошел ямщик, заговорил с хозяином по-алтайски. Хозяин во время разговора несколько раз показывал на Безуглого пальцем. Ямщик сказал Безуглому:

– Сын у него на курсах в Ленинграде.

Хозяин на четвереньках полез в дальний угол. Он вытащил из сундука номер «Ленинградской правды» и показал на третьей странице портрет своего сына-студента. Газета была так истрепана, истерта и засалена, что Безуглый с трудом разобрал только подпись под фотографией – Езуй Тантыбаров. Алтаец стукнул себя кулаком по груди.

– Наша сын карточка. Наша сын Ленинград.

* * *

За самоваром сидела толстая краснощекая теща ямщика. Безуглый пил последний стакан и смотрел в окно. На дворе ямщик бегал около ходка с помазком и колесной мазью. К воротам подошла высокая широкоплечая женщина в черной кожаной куртке и красном платочке. Ее сухое скуластое лицо показалось Безуглому знакомым. Хозяйка торопливо вытерла чайным полотенцем потный нос, уставилась на приезжего.

– Секретариата, партийна она у нас, батюшка.

Женщина вошла в комнату. Безуглый вспомнил, что видел ее в двадцать первом году.

– Товарищ Сухорослова?

Он протянул руку. Муж Сухорословой был в отряде Федора и погиб с ним под Кобандой.

У Безуглого застыл недопитый стакан. Ямщик несколько раз входил в комнату, топтался в дверях, кашлял. Безуглый забыл о запряженных лошадях. Он слушал.

– Мужиков в нашем аймаке головой не было, всех поприбили – кого белые, кого наши, остались одни старики да ребятишки. Объявилось у нас безмужичье, а нам, бабам, такая плагида пришла, что некоторые сами на себя руки подымали. Ночью тебе всяк хозяин. Лишь бы кто с гор спустился. Кто в борозду попал, тот и запахал, и засеял. А днем поминай как звали. Меня два раза насильничать принимались – не далась.

Сухорослова поправила платок на голове. Брови у нее сдвинулись.

– Поставили мне на квартиру агента, по продовольствию ездил. Ночью завожу я квашню, постоялец в горнице лежит, и забегает в избу секретарша из сельсовета. Лядащий такой был мужичонка, но на баб лютой, шибко жеребцевал по селу, и говорит он агенту:

– Вы пошто без бабы спите? Я уж от третьей иду.

– А по то, говорю ему, что бабу спросить надо, хотит она спать со всякими или нет. – Он ощерился на меня нехорошо так и опять за свое.

– Спрашивать вас еще. Солдатка – имущество бесхозное, а власть у нас, знаешь, какая, значит, каждый трудящийся тебе хозяин.

– А я, говорю, разве не тружусь?

Изматерился он и ушел. Агент-то и распалился с его слов глупых и полез ко мне. Всю юбку испредрал. Насилу мешалкой отбилась, по переносью угодила ладно – да к соседке. Так дома и не ночевала. Вся квашня у меня на пол вылезла.

Сухорослова достала коробку с папиросами, закурила. Хозяйка зевнула, перекрестила рот.

– Война утишилась, насилие уничтожили, начался обман. Заезжали к нам в неурожайный год из степи за хлебом, ну и понаглядели, что нет у нас мужиков. Поехали мужики из степи в камень, в горы то есть, жениться. Женится мужик, как полагается, в церкви, поживет полгода, нагрузит несколько возов хлеба, запряжет самых первых коней и назад к старой бабе. Многих так у нас женщин пообидели.

Она выбросила в окно окурок, помолчала.

– Рассказывать о себе особенно нечего. Сходилась я с одним тут, забрюхателя. Он бить стал. От побоев я скинула, а мужика прогнала. Живу одна, пустая.

Сухорослова быстро вытащила из кармана куртки носовой платок, зажала его в руке.

– В селе у нас теперь партия, комсомол, пионеры...

Хозяйка остановилась с самоваром посреди комнаты.

– Все, батюшка, есть: и ячейка, и комсомольцы, и барабанщики, всякого сраму много.

Безуглый рукой придавил на губах улыбку. Ямщик вышел из-за тещи, уставился в пол.

– Гражданин...

Сухорослова встала, Безуглый надел фуражку.

* * *

На кремнистой дороге подковы искрились и звенели. Лошади тянули с натугой. Подъемы и спуски стали круче. Безуглый шел пешком. Иногда он садился на большой камень или пенек. Ходок надолго исчезал в глубоких ущельях. Безуглый ждал, пока его догонит ямщик, и снова уходил вперед.

В теплых долинах начинался посев. Безуглый увидел внизу черные борозды пашен. Навстречу громыхали телеги с плугами. Бородатые, тяжелые мужики в войлочных шляпах и толстые, ширококостные бабы в пестрых сарафанах ехали верхом, часто по двое на одной лошади. Земляная работа темной водой стояла у них в глазах. Алтайцы в засаленных халатах, с трубками в зубах тряслись неторопливо, беспечной трухней на низкорослых своих кониках. Алтайки блестя бусами, улыбками, бренчали уздечками и стременами. Безуглый весело снимал перед ними фуражку.

Он остановился, посмотрел кругом. Синие горы с снежными вершинами расселись по всему горизонту толстыми алтайскими баями в белых бараньих островерхих шапках. Он раскинул руки, набрал полную грудь воздуха и закричал:

– Гоп-гоп-гоп-гоп!

Благостный голубой Алтай раскрывал перед ним свои широкие, твердые ладони.

Небольшой холм около дороги шуршал серым быльем прошлогоднего бурьяна. Безуглый узнал братскую могилу красноармейцев своего отряда. В двадцать первом году он стоял здесь с непокрытой головой и звал бойцов отомстить за убитых. На ближнем перевале стрекотали пулеметы, и высоко над долиной свистели свинцовые птички.

Безуглый неожиданно услышал знакомую трескотню перестрелки. Он поднял голову. Губы у него растянула радостная улыбка. В долину в пыли и дыме сползала черная колонна тракторов.

Ямщик догнал Безуглого с оседланными лошадьми. Колесная дорога кончилась.

* * *

Лошадь беспокойно перебирала ногами, пятилась назад, сворачивала в сторону. Безуглый одной рукой тянул повод, другой держал бинокль. Перед глазами качались дома с высокими крышами, с резными раскрашенными наличниками и воротами. Улицы сходились и расходились косыми углами. Люди двигались скачками. Безуглый слез с коня, отдал повод ямщику. Бинокль дрожал по-прежнему. Безуглый махнул рукой, сунул его в футляр.

В село приехали по-темному. Безуглый без труда нашел дом Анны, быстро взбежал на крыльцо, широко распахнул дверь. Анна цедила молоко. Безуглый увидел, что она покраснела и брови у нее дрогнули, как в первую их встречу на пасеке. Анна перелила кринку. Белые теплые струйки брызнули на стол, на пол, на босые ноги хозяйки и на пыльные сапоги Безуглого. Женщина отдернула подойник и опрокинула глиняную пузатую посудину. Оба бросились ее ловить, больно стукнулись лбами. Кринка кувыркнулась мимо четырех растопыренных рук, рассыпалась на мелкие черепки. Молоко обелило весь пол. У Безуглого и у Анны перед глазами летали огненные мухи, окна и печь лезли на потолок. Он вообразил, что Анна падает. Он схватил ее за плечи. Они оба дрожали от смеха и никак не могли поцеловаться. Безуглый наткался губами на ее нос и подбородок.

За ужином Безуглый смотрел на Анну и не узнавал. Он помнил ее или, вернее, выдумывал совсем другой. Ему представлялось, что нос у нее был прямее, тоньше, глаза темнее и больше. Губы только остались прежними – яркие, полные. Анна широко раскрывала рот. Ложку тщательно облизывала. Кожа на руках у нее была в мелких темных трещинах.

Анна знала Безуглого бородатым, в зеленой военной форме. Теперь он сидел перед ней бритый, в белой чесучовой рубашке. Может быть, поэтому оба они не находили нужных слов.

Анна убрала со стола.

– Постель вам, Иван Федорович, послана в горнице.

Анна прятала глаза. Безуглый смотрел на нее не отрываясь.

Она побледнела, стремительно подошла к нему, взяла за голову. Ее руки сплелись у него на шее.

– Беленький ты мой!

Безуглый почувствовал, что под ним зыбко качнулись половицы. Лампа огненной дугой метнулась от стола к двери и потухла. Ветер захлопал окнами. Лунные зайчики заиграли на стеклах.

Над селом качался золотой ковш Большой Медведицы, расплескивая по небу искристое молоко. Молоко стыло длинными белыми дорогами.

В минуты тишины Безуглый слышал, как шумит у Анны кровь и колотится сердце. Сын сопел на полатах. За печкой шелестели тараканы. На стене тикали ходики. Ветерок шевелил в переднем углу бумажные цветы и дешевые портреты вождей.

Безуглый лежал на полу и смотрел через окно на небо. Голова у него была легкая, пустая, в ушах звенело. Он убеждал себя, что, наверное, звонят в кержацком скиту на Девичьем Плесе

или кто-нибудь перекладывает в горах серебряные камни, или, может быть, золотой ковш задевает за звезды.

* * *

Безуглого разбудил стук в окно и окрик исполнителя.

– Антоновна, на сборню!

Он медленно вспомнил, что Анну по отчеству зовут Антоновной.

С крыльца прозвенел детский голос:

– Матери нету. Отес дома.

– Отес?..

Безуглый не расслышал всех слов удивленного исполнителя. Ребенок говорил громко, очень серьезно, даже с долей важности.

– Отес у меня – птиса большая...

Безуглый кое-как оделся и вышел. Исполнитель кричал под окном у соседей. На крыльце сидел белоголовый мальчик, большим ножом резал палку. Несколько мгновений Безуглый молчал. Он увидел себя семилетним ребенком.

– Здравствуй, птиса маленькая.

Безуглый взял ребенка на руки, поцеловал. Мальчик не улыбнулся.

– Меня Никитой кличут.

Отец, смеясь, поставил сына на землю. Сын вытер рукавом губы и снова принялся за палочку.

– Видишь, бичик лажу.

Никита готовился к бороньбе. Мать еще зимой сказала ему, что весной он будет бороноволоком.

Безуглый вернулся в дом и вышел оттуда с букварем и коробкой конфет в руках. Никита уронил нож и палочку. Цепкой белкой он вскарабкался на крышу, вложил два пальца в рот. Безуглый услышал резкий свист и радостные крики сына:

– Семша, Митьша, Петыша, отес конфетки привес, картинки...

Никита поскользнулся, уцепился свободной рукой за трубу и закричал во все горло:

– Многа-а-а!

Безуглого окликнул Помольцев:

– Здорово, командир!

Он подошел к крыльцу, усмехаясь, дергая огненный кустик своей бороденки.

Безуглый отвел глаза в сторону. Щеки у него побелели. Гневная дрожь тронула ноздри и губы.

– Я иду и думаю, с чего бы это у Антоновны изба колышется.

Помольцев не договорил. Он увидел лицо Безуглого. Они сели рядом. Помольцев переменял разговор.

– Слухом пользовался, что на работу к нам и что, пока в отпуску, хотишь на зверя сходить.

Охотники долго говорили о медведях. По селу второй раз побежал исполнитель. Теперь он не подходил к окнам, а кричал с середины улицы:

– Граждане, на собранию!

На собрании к Безуглову подсел пасечник Андрона Морева старик-бобыль Лопатин.

– Рядом с Антоновной живу, худо не могу сказать. Старый мужик сколь разов лез к ей, в потребность хотел входить. Не допустила. У меня, говорит, новый есть, коммунист бесподельный.

Буро-зеленые волосы старика топорщились, как заплесневевшее сено на ветру. Веки у него были вывернутые, красные, как надбровные дуги у тетерева, глаза слезились. Он тер их толстыми, корявыми пальцами.

– Доброй бабой, Федорыч, дорожиться надо. Баба – второй бог: захочет – веку прибавит, захочет – убавит.

Помольцев подтвердил:

– Женщина правильная. По первости мы, правда, смеялись над ей. Шибко она круто бралась за грамоту. С книжкой ела и спала. Однако ныне голой рукой ее не достанешь.

Безуглый взглянул на Анну. Она сидела недалеко, почти спиной к нему. Он увидел ее белую кофточку, красный платок и темный загар щеки. Безуглый вспомнил Сухорослову. Анне не хватало только ее кожаной куртки.

Анна прошла свой путь вверх без него. Ее жизнь вставала перед ним сухой схемой – батрачка, роман с красным командиром, вступление в партию. Красный платочек, или Анна-делегатка. Он давно читал о ней в женотдельских журналах. Она же – странное дело – его жена и мать Никиты.

Сзади подкрался Андрон, схватил Безуглого за руки. Борода его выцветшим лисьим хвостом завертелась на плече коммуниста.

– Иван Федорыч, дружок!

Андрон поднял Безуглого на ноги, крутил его перед собранием, громко кричал:

– Дружок! Радость ты наша небесная!

Спереди набежал Фис Канатич Чашегоров. Он наступал на Безуглого своим тугим брюхом, жирной блинообразной безволосой рожей, ловил его за пальцы.

– Да, слава тебе, Всевышнему! Жив, здоров, приехал, судья ты наш справедливый!

Безуглому руки Чашегорова показались быстрыми холодными змеями. Он молчал, темнел и вырывался.

* * *

Секретарь сельсовета Гаврила Подопригора, тучный рыжий человек в черной рубаше без пояса, постучал карандашом по столу, попросил выбрать председателя собрания. Несколько десятков людей в один голос назвали Безуглого. Крестьяне его помнили по двадцать первому году. Его отряд был самым дисциплинированным в то время.

Собрание обсуждало предложение райисполкома об увеличении посевной площади. Первым говорил председатель сельсовета Леонтий Леонтьевич Желаев. Его настоящую фамилию в селе забыли. Он после царской военной службы при встречах со знакомыми пучил глаза и орал: «Здравия желаю!». Он с тех пор и стал Желаемым. Безуглову не понравилось его лицо, серое, рябое, с красным носом и бесцветной щетиной на верхней губе. Говорил он, высоко задирая голову. На шее у него голубиным яйцом перекатывался кадык. Жилистая рука теребила низкий ворот холщовой рубахи.

– Свободы мы действительно такой добились, чтобы никого не бояться, на налог не обижены, но хлебозаготовки для крестьянина есть метла. Власть у нас пишется крестьянская и рабочая, но почему же тогда добытки одне крестьяне? В городе работают восемь часов, а мы от темна до темна. Достижения высших органов мы признаем, но против прежнего много не видим. Опять же дароговизня. Отчего не надбавить площадь. Крестьянину вовсе руки, ноги отшиби, он на брюхе пашню выползат.

Собрание пестрым зверем, многоголовым, многобородым, зашевелилось, зафыркало. Безуглый перевернул несколько страниц в своем дневнике, записал:

«Поставить на первом собрании ячейки вопрос о перевыборе сельсовета».

Желаев покосился на карандаш Безуглого.

– Обществом принимать твердые задания мы опасимся. Каждый за себя думает, а о другом как скажешь. Мы – не земнамеры. Пашня нонче не шибко манит, таиться нечего, но ввиду поступившей просьбы райисполкома, я думаю, каждый посеет по силе возможности, потому мы для власти завсегда с полным жаланием.

Из дальних рядов кто-то крикнул:

– Сколь сила возьмет!

Собрание молча подняло свои головы на старика Бидарева. Он стал к столу на место Желаева. Большая борода у него белой пеной свисала на грудь. Намасленная голова отливала на солнце серебром. На нем был длиннополый узорукавный черный кафтан. Бидарев обеими руками опирался на высокий посох. Безуглый посмотрел на розового, синеглазого старика и подумал, что его портрет сошел бы за икону.

– Сеял я, граждане, никогда не ленился и опять посею. Пятьдесят годов писал я вельможам и простым людям, всех звал пахать и ни одной черты ни от кого не получал в ответ, ровно в мертвые руки подавал, в глухие уши говорил. Двадцать пять годов страдал я при царе в ссылке за то, что нашел правду, открыл средство всем избавиться от нищеты и стать счастливыми. Не любил царь правды.

Старик стукнул посохом.

– Средство мое не тяжелое, а легонькое, не завитое, а простое и для всякого человека доступное. В короткое время избавились бы люди от нужды и от постыдного убожества и зажили бы на свете фертом, припеваючи. Доискался я, граждане, что хлебопашество делает всех людей равными и пресечет крылья роскоши и вожделениям. Когда каждый сядет на землю, и у каждого родится свой хлеб, и никто не станет продавать его и покупать, тогда не надо будет прибегать к ласкательству лукавому и к насилию.

Старик повернулся к Безуглому.

– Старой власти не страшился, в глаза говорил и попу, и становому, что белыми руками царь ест не заработанное им, значит, ворованное.

Он поднял руку.

– Вам говорю прямо, учение ваше о разделении труда суть измышление дьявольского ума. От него и неравенство, и зависть, и обман. Истинно сказано: «В поте лица твоего снеси хлеб свой». Сейте, граждане, сами, все сейте, тогда царство божие будет на земле.

Бидарев закрыл глаза. Голова его, как отрубленная, повисла на конце толстого посоха.

«Семен Калистратович Бидарев. Маломощное середняцкое хозяйство. Ореол мученика за правду. Философ-самоучка. Переписка с Л. Толстым. Будет с ним канитель...»

Безуглый почувствовал, что все смотрят на него. Он положил карандаш, встал.

Собрание шло около сельсовета. Люди устроились на бревнах, заготовленных для нового здания школы. Бородатые старожилы-кержаки в домотканых белых вышитых рубахах и в кошемных⁴ шляпах пирогами сидели широко, по-хозяйски. Новоселы кучкой жались в стороне. Над их картузами колыхались сизые табачные тучи. Вокруг всей площади около ворот цвели праздничные бабы сарафаны. На собрании их было мало. Парни и девки с гармошками и балалайками ходили из одного конца села в другой, пели. Несколько девок, одетых по-городскому, в кофтах и коротких юбках, прошли мимо сельсовета. Головы в картузах и шляпах повернулись в их сторону. Девки выкрикивали нараспев:

Кержаки, вы, стары черти,
Нераскурливый народ,
Православны помирают,
Кержаков черт не берет.

⁴ Кошемный – то есть сделанный из кошмы.

Картузы затряслись, загоготали. Шляпы опустились на носы. Андрон огрызнулся:
– Дуры христовы, кержаков сменяли на лешаков.

Долина, в которой стояло село, была похожа на глубокую яйцевидную чашу. Безуглый смотрел со дна, заваленного разноцветными кучами домов. Выше лежал черный крупитчатый жир пашен. За ним – светлая зелень пастбищ и темные полосы пихтачей. Зубчатые края чаши были вытесаны из глыб мерзлого молока.

Безуглый минуту стоял молча. Он искал нужные слова. Безуглый знал, что жизнь первых человеческих скоплений зарождалась здесь, в яйцевидных чашах-долинах. Отсюда людские множества начинали свое победное наступление. Человеческое море растекалось по поверхности земли, заливало все впадины, поднималось к вершинам. На дне долин оседали пестрые полосы поселений. Море росло непрерывно. На боках чаши это было видно, как на водомерной шкале. Черный пашенный пояс ширился, зеленый лесной суживался. Человеческие дома отвердевали панцирями моллюсков. Их многочисленные колонии пожирали все, что росло на горах, и все, что было в недрах. Горы пережили рождение и гибель тьмы живых существ, и теперь мягкотелые моллюски-люди точили их самих. Один вид моллюсков теснил другой. Звероловы и скотоводы с круглыми, мягкими панцирями юрт откочевывали выше. Землевладельцы с твердыми, четырехугольными панцирями домов прочно присасывались к земле. Медведей, маралов и козлов вытесняли алтайцы, алтайцев – русские, русских старожилов – новоселы. Тридцать лет назад около Белых Ключей в двадцати долинах жили звери, в одной – люди. Теперь: в двадцати – люди, в одной – звери.

Безуглый нашел нужное слово. Он сказал, что теснота заставит людей объединиться. Он говорил о новом человеческом обществе, о плане великих работ в стране.

Вдруг он увидел, что его почти не слушают. Собрание замахивалось на него черными камнями зевков. Оно пока прятало их в широкие ладони. Оно скучливо скребло затылки, чтобы скрыть ножевой блеск глаз. Над собранием пучками соломы горели рыжие бороды рослых родственников Андрона.

Андрон западал за спины, шептал:

– Я советской властью много доволен. Она меня человеком сделала. Бывало, сеял я сто десятин, пасеку имел триста ульев, маралов, коней, скотины сколь держал. Лонись⁵ пасеку нарушил, конишек лишних размотал, скотинишку поприрезал, пашню сократил.

Андрон дурашливо вздыхал.

– Жизнь теперь у меня стала, покойник родитель сказал бы, не дай бог как хороша.

Андрон заводил глаза под лоб.

– Бывало, я ночи не спал, поить, рожу водой ополоснуть время не было. Шибко я убивался над хозяйством. Нонче я сплю, сколь душа просит. Ем, что мне желательно. Ране дурак был, все на базар вез. В избу читательную стал ходить, три газеты выписываю, руки с мылом мою, граждане.

Кержаки заминали в бородах огоньки улыбок.

Безуглый перед собранием посмотрел в сельсовете налоговые списки. Он знал село в двадцать первом году. Некоторые середняки стали кулаками, несколько бедняков перелезли в середняки. Места богатеев, убитых и бежавших с белыми в Китай, были заняты новыми людьми, которые ничем не отличались от прежних.

Бурьян братских могил заскрипел под ногами. Федя и тысячи без имен – напрасные жертвы? Деревня вырастила для себя нестрашных председателей Желаетых?

Собрание колыхалось, как безветренное озеро. Головы листьями лежали на воде. Безуглый вглядывался, словно искал брод. Берег трибуны казался ему слишком удаленным. Он в

⁵ Лонись, лонишный – в прошлом году, прошлогодний.

своих высоких сапогах вошел в первые ряды. Над безликой гладью поднялись плечи, глаза своих – Помольцева, Рукобилова, Игониная, Анны. Вылезли морды врагов – Моревых, Мамонтовых, Чашегоровых. Он говорил, топал ногой. Берег, на котором он стоял, опускался. Вода пошла на него, зашумела. Дальние ряды пересели ближе. Передние уплотнились. Многие встали, обступили докладчика. Горы сдвинулись к самому селу. Ущелья оскалили каменные зубы. Над собранием завыл снег, смешанный с пулями. Все было только вчера. Кровь убитых пачкала ноги живым. Свои теребили поясные ремни, точно на них еще висели подсумки с патронами. Разве деревня была когда-нибудь единой? Теперь он всех хорошо видел. Враги раками отползали назад, уходили с собрания.

Ничего нового он им не сказал. Они сами читали все это в газетах, слышали в избе-читальне из глотки громкоговорителя. Тогда они не кричали и не плескали ладонями. Теперь Безуглый замолчал, оглушенный. Помольцев был громче всех:

– Правильно, командир!

Безуглый настаивал, чтобы собрание приняло твердый план посева. Большинство было на его стороне. Он отошел, сел.

К столу вышел кривоногий Кадытка. Он ранил и взял в плен Федю.

– Наша слова мошна?

Безуглый вздрогнул.

– Мы советский власть на тесять лет отна курочка тавал. Газета нас писал – харошай чаловек педняк.

Кадытка показал на Андрона.

– Прат Сютка тватсать тестин сеял, пятьсот пут хлеп тавал. Газета писал – хутой человек, тюрма ево сатил. Отнако не сеем – тюрма не ситим. Зачем сеем?

Кадытка развел руками, воткнул в рот трубку. Кержаки закрывали шляпами хихикающие рожи. Цigarки дымились из-под картузов, как белые клыки. Безуглый поставил вопрос на голосование. Некоторые не голосовали ни за, ни против и не поднимали рук, когда он спрашивал, кто воздержался. Собрание выбрало комиссию, которой поручило сделать подворный учет семян и тягловой силы.

С собрания Безуглый шел, не замечая дороги. Помольцев взял его за локоть. Он не сразу понял, о чем тот говорит.

– Федорыч, покудова комиссия по дворам ходит, слетаем на белки. Снег одеялом плышет. Прозеленки большие стают. Зверю самый разгул.

Безуглый долго молчал, потом торопливо ответил, точно проснулся:

– Завтра едем.

Помольцев отошел. Безуглый догнал Анну.

2

Анна гладила Безуглого по голове, говорила:

– Поедешь мимо пасеки, вспомнишь... Я каждый раз, как бываю, все вспоминаю.

Она прижалась к нему.

– Бывало, рассказываешь ты мне, ровно ведешь меня на высокую, высокую гору, и вся земля с нее – вот она на ладонке подана.

Безуглый поцеловал Анну, ласково отстранил. Он снял со стены винтовку, подошел с ней к окну, вынул затвор. Стальные спирали нарезов заблестели на солнце. Безуглый не нашел ни одного пятнышка ржавчины. Он почувствовал упругий прилив крови в руках, когда представил себе, как его пуля свистнет над безмолвием каменных россыпей и повалит тяжелого зверя.

К окну верхом подъехал Мартемьян. В поводу он вел оседланную лошадь. Безуглый подтянул ремни у сапог, надел патронташ. Анна вынесла большую корзину шанег и калачей, сунула в сумины мешок с сухарями. Никита подал отцу плеть.

– Возьми, стодитя, поди, конишку понужать. Сам изладил, бичик-то добрый.

Безуглый схватил сына под мышки, поднял его несколько раз над головой.

– Хозяин ты мой, заботливый.

Никита поправил смятую отцом рубашку.

– Мидвиденка мне привези.

Безуглый поцеловал его в лоб.

– Двух, сынок, привезу.

Мартемьян передал Безуглому повод.

– Тятя с Нефед Никифoryчем ждут вас у поскотины.

Безуглый неловко сел в седло. Он подумал, что ехать с Андрoном на охоту накануне хлебозаготовок неудобно. Он рассеянно простился с Анной. На краю села только поднял голову и сам себя успокоил:

«Лучше Андрoна никто не знает зверя. Лошадь для охоты в горах надо выносливую. В пахоту такую ни у кого, кроме него, не найдешь...»

Безуглый махнул плетью, усмехнулся:

«Неужели я его на хлебозаготовках помилую?»

Небольшую остановку сделали на Баданной сопке. Помольцев поправил седло. Андрoн взнуздal своего гнедого. Безуглый посмотрел вниз, на Белые Ключи. Село разлеглось на берегу Талицы. В Талицу около села впадали две реки – Погорелка и Банная. За поскотиной белели ключи – Крутой, Медвежий и Девичий. Долину обступали со всех сторон горы – Чупрачиха, Шебнюха, Воструха и Оградная. На вершине Оградной острые черные камни стояли плотным частоколом. Гора одним крутым боком повисла над Талицей, другая упиралась в Чупрачиху. Безуглый подумал, что кержаки недаром так ее назвали. Она действительно надежной оградой отделяла их от всего мира.

На Погорелке у кержаков был бой с войсками Екатерины. Во время сражения деревня и лес на реке выгорели. С тех пор реку и стали звать Погорелкой. На ней загустели малинники и кипрей. В цветочных зарослях обосновались пасеки. Безуглый увидел спичечные коробочки ульев и крыши игрушечных избенок.

Долина Банной была мокрая, в мочагах, в ключах. По ключам вытянулись высокие, крепкие изгороди. В них паслись стада маралов.

На Талице работала водяная мельница. Около нее стояли подводы с зерном. За ней блестяли новые крыши барakov. На работах звонили в рельсу. Стряпки суетились около котлов. Рабочие шли с реки. От барakov через село и Оградную гору новенькими вешалками торчали телефонные столбы.

Андрoн сказал Безуглому:

– Англичаны-арендатели удумали Талицу на горы здымать. Тюрбину ставить хотят.

Безуглый пробовал прочность патфеи⁶ и нагрудника.

– Где же рыбачить будете, Андрoн Агатимыч, если они рыбе дорогу перегородят?

Андрoн пренебрежительно шмыгнул носом.

– Захлебнутся, не дастся им река. Ране их, при царской власти, французишки тут хозяйствовали. Денег закопали большие тыщи, машин навезли, и все уплыло. Талица всю ихнюю хитрую механику в одночасье разбуравила.

Андрoн засмеялся.

⁶ Патфея (портфея) – подхвостник, ремень, идущий от задней луки седла под репицу, чтобы седло при спуске под гору не съезжало.

– Мусье главный бегат по берегу и ревет дурноматом: «Мюжики, мюжики, мюжики». Ну, мужики ково сделают, когда вода чертомелит – берега дрожат. Смеху было...

Охотники стали спускаться с сопки. Безуглый оглянулся и увидел в скиту за селом крышу звонницы с колоколами и крестом и длинный палец радиомачты над Белыми Ключами.

На северных склонах лошади шли по колено в мокром, скользком снегу, иногда проваливались по брюхо, опасливо всхрапывали, косились на седоков. Проталины на солнечных спусках цвели кандыком⁷ и подснежниками. Лошади топтали розовые и лиловые головки цветов. Деревья, подмытые водой и поваленные ветром, часто преграждали дорогу. Андрон с седла взмахивал топором, и сучья падали обрубленными лапами зверя.

Проехали полустгнившую охотничью избушку. Она косо вспучилась, осела набок большим старым грибом. Андрон махнул в ее сторону.

– Ране здесь ясашные шибко соболя промышляли. Нонче зверь отшатился.

Помольцев дернул плечами:

– Многолюдство.

Андрон вздохнул:

– Отаптываться стали места наши.

Светлые теплые пальцы солнца шевелились в зеленых сучьях, пробегали по спинам всадников. Безуглов ехал с беспечностью кочевника. Он радовался всему, что видел. Если бы он был один, то, наверное, пел бы и скакал за солнцем. Солнце быстро уходило из долин на далекие вершины. Безуглый низко нагибался над седлом, тербил гриву коня и смеялся. Душистые ветки пихт хлестали его по лицу.

На закате они расседлали лошадей. Багровые палы пылали в долинах, как жертвенные костры предков. Безуглый думал, что могучие, волосатые охотники недавно покинули свое стойбище и обильные огни еще не успели потухнуть около земляных жилищ. Они скоро вернутся, сгибаясь под тяжестью теплых кусков сладкого мяса. Может быть, и он пойдет с ними на охоту...

Земля задела за край солнца, загорелась. Облака повисли над ней большими клочьями дыма. От земли вспыхнул воздух и темные волосы лесов. Из скал вылились малинные реки расплавленных металлов. Крутые лбы гор покрылись лиловыми морщинами ущелий. На горизонте бесшумно обрушивались и исчезали высокие хребты.

Безуглый почувствовал, что почва под ним колеблется, посмотрел себе под ноги. Андрон заметил его удивленные глаза, объяснил:

– Вода горы колыбает.

Они остановились недалеко от большого водопада. Шум его был ясно слышен. Тяжелые стремительные струи сотрясали землю.

Безуглый проснулся среди ночи. Его спутники спали. Лошади лежали недалеко от огня. Земля погасла, почернела. В темноте остатками пожарищ тлели полосы палов. Кучи гор остывали, потрескивали. Несколько камней прошуршали по сухой траве вниз мимо Безуглого. Холодный ветерок ударил ему в ухо и щеку. Он отодвинулся, приподнялся на локте. Помольцев закашлялся:

– Федорыч, ты не спишь?

– Нет, а что?

Помольцев промолчал.

В темной тайге таял снег и с шорохом сползал небольшими оплывинами. Под ним звенели ручьи. Вода сочилась из камней, каплями стучала и булькала с круч. Переполненные каменные посуды текли через края. Вода расплескивалась по склонам, лилась из расщелин.

⁷ Кандык – многолетнее растение горных алтайских лугов; цветет в первой половине мая; алтайцы ценили его за маленькие клубеньки, которые копали весной и употребляли в пищу.

В скалистых глубинах гремела Талица. Под ее волнами с ворчаньем катилась вторая река из камней. Горы истекали водой, снегом, льдом, камнями.

– Федорыч, я с тобой согласен, что попы безусловно для трудящегося народа есть религиозный опиум. Бога нет... – Помольцев глубоко вздохнул. – Ну а все-таки, куда вода девается?

Безуглый рассказал об извечном круговороте. Помольцев молча закрыл голову полрой шубы.

Густые тучи задели за граненные вершины. Зашелестел редкий дождь. Туман осел до земли. Вода висела в воздухе мелкой пылью, падала крупными брызгами. Стало теплее. В мокрой парной темноте набухали корни деревьев и трав.

Безуглый лег на спину.

Поднялся ветер, изорвал в клочья облака. Охотник увидел большой звездопад. Метеоры падали из одного места, около созвездия Лиры, точно золотые ручьи растекались во все стороны с невидимой вершины.

Небо медленно бледнело.

На пихте около утеса завозился глухарь. Птица опустила крылья, веером подняла хвост, вытянула шею, призывно скрипнула клювом. В тайге запели серые дрозды, за ними проснулись чернозобистые, засвистели рябчики, зачуфыркали тетерева.

Помольцев чихнул. Андрон заскреб бороду. Безуглый набрал в ключе полные пригоршни холодной воды, плеснул себе в лицо, весело фыркнул.

* * *

Анчи Ермаков слышал пьяный запах горячей араки, проснулся. Трехногий котел над огнем очага пучил черное круглое брюхо. В нем ворчливо переливался чегень⁸. Арака по деревянному желобу капала в узкогорлую высокую кадку. Илабас – жена младшего сына – макала в кадку длинную тряпичную кисть, обсасывала ее с чмоканьем и присвистом. Она пробовала крепость вина. Анчи молча протянул к ней руку. Она отвернулась, подала ему кисточку. Сноха не должна смотреть в глаза своему свекру. Анчи помял губами мокрые тряпицы, щелкнул языком. Арака была хороша.

Тойлонг – жена Анчи – стояла на коленях, растирала ручным жерновом зерна ячменя. С ее носа и щек падали крупные капли пота. Старшая сноха – Кысмай – крутила барабан зернодробилки. Старуха-бобылка Иткоден толкла в большой ступе просо. Все женщины работали полуголыми. Они спустили до пояса свои тяжелые овчины. Тела их были худы и смуглы.

Анчи набил трубку, закурил. С трубкой в зубах хорошо молчать и думать.

Он ждал гостей. Их съедется много. Он устраивает весеннее камлание Ульгеню. К нему должны приехать дочь Темирбаш и его старый друг Иван Безуглый. Анчи был единственным человеком, который показал отряду Безуглого переход на Кобанду через ледяные хребты. Анчи о многом надо спросить настоящего городского коммуниста.

Анчи помнит рассказы стариков. В прежнее время на Алтае народа было мало. Тайга лежала на горах, как соболья шкура с горностаевым воротником. Так темны были ее чащи, так белы снега вершин. Горы поднимались, как полные груди матери. Из каменных сосцов бежали реки со вкусом молока. Пастбища в обширных долинах не могла перелететь сорока. Стада бродили, как звезды в небе, не знающие счета. В ту пору не было войн, и оружие служило потехой праздным. Анчи знает – обнищал отец Алтай. Шубу его дорогую изодрали. Остался от нее один белый воротник. Нагота его прикрыта черным сукном пожарищ.

⁸ Чегень – кислое молоко, из которого выгоняется арака (самогон).

Анчи выколотил догоревшую трубку, вышел из юрты. Солнце остановило его у выхода. Анчи обеими руками закрыл глаза. Сквозь пальцы он видел, как на горах кипел и плавился снег. Он утирал рукавами слезы и тихо смеялся. Весна играла с ним, как с молодым.

Анчи пошел за стойбище. Около последних айлов на него с хохотом и визгом налетели несколько женщин. Серебро пело у них в косах и ожерельях. Анчи едва успел посторониться. Женщины бежали от молодого кама⁹ Калтюбека. Он в страшной маске из бересты гнался за ними с метровым деревянным фаллом, выкрикивал:

Я играл с сорока девицами!
Я играл с сорока старухами!

Он прижимал фалл к низу живота, совал его в руки, в бока, в ноги женщинам. Женщины бросали каму сырчики, курут, ячменные лепешки и разбегались в притворном испуге.

Губы девиц – раскаленные щипцы!
Губы старух – засохшие тряпки!

Калтюбек заскакивал в юрты, обещал оплодотворение женщинам, кобылицам, коровам, овцам, козам. С ним вместе кричали и бегали все молодые мужчины. Солнце лило в их раскрытые глотки свою теплую золотую араку. Они, как пьяные, кидались от юрты к юрте. Яростная весенняя молитва шумела над стойбищем, как ветер. Анчи поднимался на гору, пел.

Алтай добр по-прежнему к своим детям-алтайцам. Он дает им кандык и чеснок из своих непаханых огородов. Он на тучных пастбищах кормит их белый скот. Он наливает их берестяные ведра молоком. Он наполняет котлы аракой.

– Кайран¹⁰ Алтай...

Анчи сел на камень. Справа от себя он увидел своих соседей Ястакопа Ороева и Тохпу Тукушева. Они, как и он, сидели на камнях и пели. Может ли человек не петь весной? Анчи пел до заката.

В стойбище съезжались всадники – гости. Молоко плескалось в подойниках женщин. Облака молоком лились в небо. Дым, как от костров, поднимался от трубок гостей.

* * *

Аилы алтайцев стояли в полугоре, дым рос над ними высокими широкорукими деревьями. Помольцев наклонился с седла, посмотрел вниз. Он сразу увидел юрты Енмекowych. Охотники спустились к стойбищу, когда все мужчины с шаманом Мампьем уже уехали к жертвенникам. В юртах были только женщины и дети. Около аила Анчи стояла оседланная лошадь. Девушка-алтайка в синем халате снимала с седла тяжелые сумины. Безуглый быстро посмотрел на ее стриженую голову, соскочил с коня.

– Здравствуйте, товарищ Темирбаш. Давно из Кутву?

Девушка тоже узнала Безуглого, протянула ему руку.

– Я теперь работаю в Улале. Кутву кончила.

Около нее суетилась маленькая старая Тойлонг в высокой бараньей шапке, в праздничной голубой сатинетовой шубе и в бархатном черном чегелеке¹¹. На поясе у женщины рядом с кресалом и гребнем гремели большие ключи. Темирбаш положила ей на плечо руку.

⁹ Кам – шаман.

¹⁰ Непереводимое слово, его смысл – милый и уходящий.

¹¹ Чегелек (чегедек) – верхняя одежда замужних алтаек, теперь уже совершенно забытая.

– Товарищ Безуглый, посмотрите на мою маму.

Безуглый снял фуражку. Алтайка кивнула ему головой, но руки не подала, Темирбаш показала Безуглому ее ключи.

– Смотрите, какие мы богатые. Сколько у нас сундуков?..

Она быстро сосчитала.

– Целых пять.

Девушка громко засмеялась, подошла к айлу, откинула легкую дверцу из лиственничной коры. Безуглый увидел лохмотья, залатанные мешки, накопченные котлы, треног и единственный ящик, некрашенный, старый, без замка.

К жертвенникам они поехали вместе. На переправе через небольшую речку Темирбаш задела своим стремнем стремя Безуглого, показала плетью на воду.

– Вот ключи к нашим богатствам. Они звенят на поясе у хана Алтая.

Девушка хлестнула споткнувшегося коня, натянула повод.

– Один алтаец-студент пишет мне из Ленинграда, что первым его проектом, когда он кончит вуз, будет проект алтайской гидроэлектростанции.

Безуглый обернулся к своей спутнице.

– Езуй Тандыбаров?

Щеки у Темирбаш стали краснее ее комсомольского значка.

– Откуда вы знаете? Вы с ним знакомы?

Безуглый отшутился:

– Я все знаю.

* * *

Береза – священное дерево. Она вся белая. На нее никогда не падает огонь молнии. Время ее цветения – весна.

Берез натыкали вокруг жертвенников. К березе привязали жертвенную лошадь. Березу с тремя вырубленными на ней ступенями и четырнадцатью зарубками вкопали перед открытым шалашом шамана.

Анчи и Мампый стояли на белой широкой кошме около костра. Анчи накаливал над огнем бубен. Он пробовал его колотушкой. Бубен звякал и глухо гудел. Мампый из кожаной бутылки наливал в деревянную чашу свежее молочное вино. Алтайцы жались плечом к плечу. Сзади них валялись кучи седел. Табун стреноженных коней пасся в долине. Гостей было много.

Охотники и Темирбаш сели в стороне. Несколько голов обернулось на них. Эргемей и Эрельдей – сыновья Анчи – молча поклонились Помольцеву. Гости по очереди подходили к шаману с полными бутылками в руках. Шаман араку каждого наливал в чашу, веткой вереска сплескивал ее на огонь и в стороны – Трехвершинной головы Катуни, Золотого озера и Горы с Изгородью. Мампый был в белом длинном халате с красными нарукавниками, в белой берестяной высокой шапке с красными лентами и в красных мягких броднях. Красные ленты у него спускались до земли и с шапки, и с плеч. На ветру он весь струился огнем. Огонь лент бегал и в гриве белой кобылицы, и на веревке, протянутой по березам вокруг жертвенников.

Шаман высоко поднял бубен. Над головами алтайцев лопнуло небо. Голубые стекляшки со звоном посыпались на горы. Люди втянули шеи в плечи. Шаман успокоил их ласковой песней.

На белом море с золотыми плесами
белые пены плывут.
На синем море с серебряными плесами
синие пены льются...

Мампый собирался за моря и горы. Он звал оттуда с золотых и серебряных плесов хозяина своего бубна – серого гуся с черными крыльями. Мампый медленно, как на волнах, покачивался из стороны в сторону. Он плыл к далекому жилищу Ульгения:

Чистый Алтай, земля-вода,
будет ли вечным пламенный очаг в небе?
Темирбаш переводила Безуглому выкрики шамана.
Обширный Алтай с горбами верблюдов и гривами коней,
положенный огонь будет ли жарким?
Будет ли с нагаром огонь, как толокно?
Зажженный огонь будет ли метать искры?
Даст ли род потомство?

Мампый бил в бубен. Подземные урчащие удары раздирали каменные утробы гор. Горы качались. Над вершинами с шелестом и треском взметывались седые столбы снежной пыли. Лавины и каменные осыпи обрывались вниз тяжелыми скоплениями лавы.

Хранитель шести слег юрты,
стерегущий грозное огнище мое,
малых детей охраняющий...

Мампый кружился, скакал. Горы гремели у него под ногами, как море. Соленая пена залепляла ему рот, падала на грудь. Он задыхался, косил глаза.

Создатель широкой красоты,
Алтай в красоте создавший,
ты перекатываешь солнце и луну,
ты все измерил ложкой и совком...

Шаман поднимал ноги, прыгал. Он шел раскаленными песками красной пустыни. Сразу за ней ему преградила дорогу огромная ледяная гора. Мампый скакнул на первую ступеньку березы, закричал:

– Поднимаюсь!

Анчи, Эргемей, Эрельдей и их гости махали руками, подражая движению птичьих крыльев, повторяли:

– Поднимаемся, поднимаемся!

Безуглый закрыл рукою рот. Алтайцы показались ему ребятишками, затеявшими большую игру у огня. Он тронул плечо Темирбаш. Она не оглянулась.

Широкие трещины рвали гору. Шаман нагибался и зашивал их крупными стежками. Он кричал вороном, куковал кукушкой, выл волком, ворчал медведем. От него шел острый запах. Его круглое, красное лицо было иссечено темными полосами пота. Мампый метался в тысяче-летней тоске земных тварей по крыльям. В его песнях жила деревня и гордая мечта человека о захвате вселенной. Он бормотал:

Смотрю глазами сквозь гору,
сквозь землю проникая думой...

За огненным кругом костра начинались сумерки изначального хаоса. Люди-дети беспечно пели свои дерзкие песни на самом краю мира. Они утверждали, что вселенная – только пастбище их коней, звезды – колья золотой коновязи. Ведь жертвенная кобыла была привязана не к березе, а к Полярной Звезде.

На скользкой ледяной вершине холодные ветры крутили халат шамана. Он бежал мелкими, осторожными шажками. Под ногами у него хрустели кости – птичьи, звериные, человеческие. Тысячи тысяч тварей погибли бы на последнем перевале. Мампый миновал его, положил бубен.

Эрельдей подошел к шаману с чашей молока первого весеннего удоя, Эргемей зажег пучок вереску, надел его на березовую палку. Шаман вылил молоко на лошадь, окурил ее. В сумерках белые бока животного багровели от огня, точно в них открывались большие кровавые раны. Лошадь тревожно ржала.

Пусть головы наши будут в покое!
Пусть лошади дышат спокойно!
Пусть не стираются наши мясные сердца!

Шаман скакал выше и выше. Его ноги доставали самую верхнюю, семнадцатую зарубку. Одно за одним раскрывались и захлопывались семнадцать железных грохочущих небес. Он проскочил их все. Он встал на березе перед золотыми воротами аила Ульгения. Алтайцы сидели с полураскрытыми ртами. Они сдерживали дыхание. Мампый тихо дунул в одну сторону, повернулся, подул в другую, в третью, в четвертую. Он вдвухвал жизнь в травы, в деревья, в скот, в людей, во все, что растет под солнцем. Из его бубна на алтайцев смотрели медленно пуговицы глаз бога.

Алтай даст ли успокаивающее решение,
к скоту моему прибавляя скот,
к головам нашим прибавляя головы?

Шаман просил изобилия молока, ячменя, удачи на охоте, благополучия стойбищам. На небе догорал медно-красный порог юрты Ульгения. Полная, низкая луна поднималась за плечами Мампыя круглой желтой тенью бубна.

Мампый опять заколотил в бубен. Шерсть на коже его колотушки зажигалась и падала синими огнями. Он стоял высоко. Он сотрясал небо. С неба сыпались звезды.

Луна потускнела за маленьким облаком. Она стала похожа на медный глаз бога из бубна Мампыя. Мампый, как потухшую луну, опустил бубен на белую кошму. Огненные ленты молниями ударили шамана и погасли. Шаман упал на землю, лицом вниз. Он спал. Алтайцы засыпали, отваливаясь на седла. Ломаные линии гор были отчеркнуты на небе густым углем.

Ранним рассветом шаман подошел к жертве. Эргемей и Эрельдей надели на ноги животного четыре длинных волосяных аркана. Несколько человек взялись за их концы. Мампый склонил голову. Безуглый услышал хруст костей и стоны раздираемой лошади. Алтайцы согнулись под тяжестью лямок, как бурлаки. Они тянули дружно в разные стороны. Лошадь обрвала узду, закинула голову на спину, захрипела. Ноги у нее разъезжались, точно земля стала сразу скользкой. Трехлетняя кобылица бессильно билась большой белой мухой в крепкой паутине арканов. Шаман подскочил лохматым пауком и впился ей в морду. Она упала на брюхо. Сломанные ноги торчали из-под нее толстыми березовыми палками. Мампый отпустил руку. Жертве распорили грудь. Она дернулась, уронила изо рта большой темный язык. Кровь вырвалась из нее, как пламя. Ободранная, растянутая, она была громадна. Она легла во весь Алтай у красного порога зари. Кожу ее повесили на березовую жердь, головой на восток. На нее кри-

чали, ее погоняли. Она пошла через высокую голубую скалу, через скользкие черные камни, через великие пески к ведающему ее головой. Шаман в жертву горам разбрызгивал горячую кровь, раскидывал куски мяса. Алтайцы с криками хватали в воздухе невидимое счастье, бросали вверх девять чашек, чтобы никогда не иссякала в них пища.

Шаман сел на кошму. Алтайцы обступили его плотным черноголовым кругом. Он начал рассказ о своем полете на семнадцатое небо:

– Худые времена наступают. Скоро русские прогонят алтайцев с Алтая. Он видел много крови...

Безуглый, почти не глядя на бумагу, быстро записал:

«Мампый, шаман, очень авторитетен. Дискредитировать и устранить в первую очередь. Кампанию начать через газету из Улалы. Договориться с Темирбаш».

Андрон ткнул в бок Помольцева.

– Мотри, опять пишет.

Он покачал головой.

– Чует мое сердце, оставит нас без угла етот Безуглый. Взгляд ево мне не глянется. Он будто и на тебя глядит и не гордится, а все свое думает, своя у ево думка завсегда, ровно у зверя.

К Безуглому подошла Темирбаш. Он сразу заговорил с ней о Мампые. Глаза ее были пусты. Безуглый заметил.

– Я прошу ответить прямо, согласны вы со мной или нет?

Темирбаш съежилась:

– Товарищ Безуглый, я знаю, что шаман наш враг. Бороться с ним я буду... – Девушка робко снизу вверх посмотрела в глаза коммуниста. – Не знаю почему, только мне иногда нравятся его песни и хочется самой взять бубен, петь, кричать.

Безуглый сдвинул брови.

Алтайцы сидели вокруг дымящихся котлов. Они держали в руках круглые деревянные чаши, полные хмельной араки. На губах и на щеках у них блестел жир.

* * *

Охотники остановились на опушке последнего леса. Головы лошадей были выше верхушек низкорослых кедров. У конских копыт лежала морщинистая равнина горной тундры. В ее складках и углублениях белел снег. На ней стлались скрюченные бурые стволы карликовых берез. Эрельдей быстро мелькнул с седла, нагнулся над длинной полосой снега. Андрон грузно опустился с ним рядом. Безуглый с лошади увидел глубокие следы зверей. Они шли двумя цепочками. Одна – на юг, другая – на восток. Безуглому стало трудно дышать. Он не мог отвести взгляда от пятипалых отпечатков на снегу. Он не в первый раз видел следы медведей. Они всегда волновали его своим сходством с человеческими. Босые предки пробрели тут в утомительных поисках пищи. Он скоро увидит их волосатые мускулистые спины.

Безуглый, Андрон и Помольцев пошли на юг. Эргемей и Эрельдей – на восток.

Алтайцы были уверены, что охота будет добычливой. У них на этот счет имелись очень веские основания. Во-первых, оба они – Эргемей и Эрельдей – в ночь перед выездом из айлов видели один и тот же хороший сон: им кто-то подарил по шубе. Всякому охотнику известно, что шуба во сне – значит убитый медведь наяву. Во-вторых, Кудан, белобородый начальник, создавший ловушки и самострелы, получил белую овцу. Чаши, брошенные во время жертвоприношения с вопросом об успешности охоты, одна за другой упали дном вниз. В-третьих, сборы и выезд были проведены по нерушимым правилам предков. Дорогой они прошептали обращение к Алтаю:

В старину отцы наши ходили,

теперь мы, молодые, идем,
кружимся и потеем, неумелые парни.
Из охотничьей сумы нам часть дай.
Из твоей дичи нам хотя бы одну покажи...

На первом перевале около священного аба сделали вид, что раскладывают жертвенный костер. Набрали сухой травы, сучьев, сложили все кучкой, но не зажгли. На аба бросили по пуле вместо обычных пучков конских волос, ленточек или камешков. Разговаривали шепотом, на особом условном языке, чтобы звери не могли их услышать и понять. Ружье называли зятем, пулю – подарком невесты, медведя величали прадедом и великим человеком. Наконец, в-четвертых, Эргемей и Эрельдей очень хорошо знали места медвежьих весенних гульбищ и были далеко не такими неопытными на охоте людьми, какими выставляли себя перед Алтаем.

Алтайцы ехали спокойно, развалившись в седлах.

Русские шли пешком медленно и молча. Андрон часто наклонялся, разглядывал смятую и поеденную зелень. На мху и молодой траве следы едва заметны. Безуглый задевал за камни, спотыкался, скользил на снегу и с робостью школьника смотрел на спутников. Он только тут заметил свои громоздкие городские ноги. Полушубок на нем топорщился, расстегивался. Шапка лезла на потный лоб, на глаза. Нож ерзал по поясу и очень мешал. У винтовки слишком громко стучали антапки¹². Безуглый был хорошим охотником на равнине. В горах он учился ходить. Сердце качалось у него в груди, как тяжелый язык набатного колокола.

Алтайцы первого зверя увидели на кривой луговине. Он щипал траву с низко опущенной головой. Он был совсем как безрогая и бесхвостая корова. Охотники сошли с лошадей. Эрельдей вытащил из кожаной сумы большой деревянный шар, утыканный длинными, острыми гвоздями с бородками, как у рыболовных крючков. Эрельдей держал его на короткой веревке. Он блестел иглами, как еж. Эргемей взвел курок своей шомпольной винтовки. Братья подползли к медведю. Эргемей поставил ружье на сошки, навел его на голову зверя. Эрельдей встал перед зверем с ножом и игольчатым шаром. Его отец, дед и прадед стояли так же – широко и крепко расставив ноги. Зверь с силой потянул в себя воздух. Шерсть поднялась у него на шее и на спине. Эрельдей размахнулся и бросил ему колючий клубок. Он вскочил на дыбы, обеими лапами схватил железного ежа, накололся, заревел, цапнул колючки зубами. Колючки воткнулись ему в пальцы, в нёбо, в губу, в язык. Задиристые бородки привязали лапу к лапе и обе их к морде. Он бился, как связанный, сопел, урчал. Эрельдей подбежал к нему и, подпрыгнув, воткнул нож до рукоятки в косматую грудь. Медведь мешком свалился на бок. Задние лапы у него дергались, под шкурой ходили короткие волны. Эрельдей оглянулся на брата, крикнул:

– Вот как колю я, Эрельдей!

Шкуру снимали с шутками, старались ими обмануть убитого. Отделяя кожу от лап, уверяли, что только почешут ему пальчики, добравшись ножами до хребта, говорили, что погладят ему спинку, и в один голос клялись, что не они его убили, а русские. Ободранную тушу отстегали плетями, выбили у нее все зубы. Эрельдей отрезал голову, насадил ее на кол, опалил на костре. Эргемей звенел шомполами, выкрикивал:

Ходивши по земле с дудками,
подарок от невесты получил-де, скажи!
Ходивши по земле с пучками,
голову размозжил-де, скажи!
Видеть не мог – глаза маленькие,

¹² Антапка – скоба, дужка у ружья для крепления ремня.

оттого умер, скажи!
Мочиться не мог – он маленький,
оттого умер, скажи!..

Кол с головой воткнули в землю, выстрелили в нее по одному разу. Рядом положили слепленную из глины фигуру медведя. Они знали, что Алтай оживит сделанного ими зверя. Духи поэтому не узнают об убийстве одного из прадедов, не станут преследовать смелых охотников. На всякий случай они, впрочем, в нескольких местах поломали шомполами свои следы. Ведь духи могут гнаться за людьми, если следы их не тронуты. На испорченных они, конечно, бессильны. Отважные звероловы теперь спокойно могут тащить к стану и шкуру, и сало, и мясо медведя.

Русской группе не повезло. Она не нашла медведей. Снег, твердый с утра, к полудню раскис, перестал держать охотников. Безуглый провалился по пояс, отстал. Снег набился в сапоги, в брюки, в дуло ружья. До твердой проталины ему долго пришлось ползти на животе. Андрон был зол. Неудача черной тенью лежала на его лице. Он оглянулся, увидел Безуглого, посветлел: Безуглый без шапки, разутый, сосредоточенно выворачивал карманы, полные снега.

Алтайцы мясо зарыли в снегу, шкуру спрятали в лесу. Люди не должны знать, что сегодня они убили своего великого прадеда. Рассказать об охоте сегодня, показать свою добычу – значит обречь себя на неудачу завтра. Эргемей и Эрельдей это правило твердо запомнили. Они не скажут ни слова русским. Русским можно только дать понять, намекнуть, что братья Енмековы вернулись не с пустыми руками. Они сделали из веток кедра большой шалаш, разложили костер, отметили священную восточную сторону шнуром с девятью цветными лоскутами.

Андрон остановил Помольцева и Безуглого.

– Порядок ихний знаете? Глядите, надулись, ровно петухи, видать, добыли зверишку.

Эргемей и Эрельдей ходили около огня. Движения их были замедленны, спокойствие подчеркнуто. Лица, фигуры преисполнены важности.

* * *

Костер горел всю ночь. Охотники лежали под шубами на мягкой хвое. Звуки, которые издавали их носы, губы и глотки, не уступали по силе и густоте храпу пятерки лошадей. Воздух в шалаше держался горячий. Люди ненадолго вернулись к одному огню.

Дед Андрона Магафор пришел на Алтай с Поморья девяносто лет тому назад. Долину Талицы облюбовали они вчетвером – Магафор, Киприян и Евлантий с женой Милодорой. Киприяну и Евлантию было по тридцати лет. Милодоре было двадцать два года. У нее на лице никогда не угасал румянец. Магафору было двадцать три. У него на щеках и на подбородке желтел пух. В первую их остановку на берегу Талицы, когда все спали, Магафор встал посмотреть коней. Он разжег жаркий костер. Милодора лежала ближе всех к огню. Магафор неожиданно увидел ее могучие, толстые ноги, оголенные выше колен. Он качнулся, неверными руками схватил топор, со всего размаху воткнул его в высокую пихту. Дерево звонко задрожало. В черни прошумел удар, третий, пятый. Никто не проснулся. Евлантий и Киприян храпели. Милодора чмокала губами, бормотала. Лошади паслись спокойно. Магафор подошел к Евлантию. На лоб спящего упал сверкающий четырехугольник топора. Лезвие лязгнуло о камень. В траве зашипела и забулькала кровь. Он подкрался к Киприяну и рубанул его по затылку. Милодора лежала теплая, мягкая. Магафор рухнул на ее круглый живот. Милодора проснулась, тронула руками его щеки, подбородок и закричала. Магафор впился зубами ей в губы. Она сбросила его с себя. Он схватил ее за горло, стал рвать на ней платье. Милодора грызла у него грудь. Магафор ломал ей ребра. Они двумя темными большими рыбами возились на траве, горячее и скользкое от крови. Под ними камнями перекатывались убитые. Руки их

шлепали, как плавники. Ноги двумя раздвоенными хвостами бешено били землю, разметывали костер. Угли и головни летели кусками крови. Милодора обессилела и стихла. Магафор навалился на нее, засопел. Тайга тысячеверстной черной пещерой сдвинула над ними свои своды.

Утром стали рубить избу.

Убитых раздели, рубахи и портки с них выполоскали, прибрали. Трупы отволокли в колодник, засыпали мхом и буреломом.

Следом за Магафором и Милодорой на Талицу пришли несколько семей. Они расселились по ключам в щелях на версту, на две друг от друга.

Земли алтайские были сильны. Они отдавали за каждое зерно, брошенное весной, тридцать к концу лета. Чернь хорошо родила зверя. Завоеватели ели сытно, пили сладкую медовую брагу, одевались тепло и нарядно. Из щелей они спустились на дно долины, на чистое место, срубили деревню. Дома были без окон на улицу, с высокими заборами, с громадными воротами, все из белочных, твердых, как кремь, лиственниц. Деревня крепостью стала на земле вольных кочевников.

Сибирь издавна влекла к себе своим обилием и просторами. Страна, открытая и завоеванная людьми, бежавшими от жестокостей царя Ивана Грозного, стала обетованной землей для всех гонимых. В Сибирь одними из первых пошли раскольники, спасаясь от костров царевны Софьи и от «немецких» порядков Петра. На Алтай раскольники текли с Поморья, с Керженца, с Устюга Великого, с Соли Вычегорской, с Мезени, с Вятки, с Камы, с Волги. За ними шли семьями и селами крестьяне от государевых тягот, от военной службы, от холопьеи доли, от нищеты, брели беглые колодники и солдаты, полз пестрый сброд бродяг, любителей легкой наживы, искателей приключений, людей «гулящих». Они шли неумоимо, через таежные чащобы, через болота, озера, реки и горы. Они искали сказочное «Беловодье», где «господь бог щедрою рукою рассыпал всякого добра на поживу человека». Им выпало на долю освоить бескрайние богатые пустыни Сибири.

В восемнадцатом веке на Алтае открылись Колывано-Воскресенские заводы и Змеиногорские северо-свинцовые рудники Акинфия Демидова. Хозяин привез рабочих с Урала, главным образом «беглых» и раскольников. Условия работы были каторжные – длинный рабочий день, ничтожный заработок, недоедание, вонючие казармы, кнут. К заводам приписали большие округа, заставили крестьян в порядке казенной повинности рубить лес, жечь уголь, возить строительные материалы, топливо. Крестьяне, замученные работами, и «бергалы» (рабочие), доведенные до отчаяния, бежали в «камень» (в горы), к «каменщикам» и к «полякам» (к раскольникам, силою возвращенным из Польши Екатериной Второй, куда они ушли из России в поисках древнего благочестия), основывали с ними новые тайные поселения. Беглецы уходили как можно дальше от страшных высоких труб, «чтобы жить в легкости», чтобы их никто и нигде не мог сыскать. С заводов за ними снаряжали погони. Солдаты стреляли и ловили беглецов, разоряли и жгли их избушки. «Каменщики» вступали с войсками в бой или запирались со «стариком» в своей «молельной», ругали солдат, плевали на них через оконца, поносили веру антихриста и самосжигались. На предложение офицера сдаться и снова вернуться на завод обычно отвечали:

– Будем гореть, потому работать нам весьма натужно.

Они исчезали в дыму и огне.

В горах уживались только сильные и безжалостные. Гонимые по ту сторону Урала и в предгорьях Алтая, раскольники далеко в горах сами становились гонителями. Они жили скрытно, разрозненно. Они сходились и съезжались, как запорожцы на раду, изредка для решения общих дел – для организации походов на алтайцев и киргизов, для поездок за женщинами и солью, для суда и расправы над своими преступниками. Осужденных они привязывали к небольшим плотам и пускали вниз по реке. Преступники погибали на порогах. За солью пробирались тайно, ночами, на озера завода. Женщин подкарауливали в лесах, около деревень

и алтайских стойбищ. Им доставались грибницы и ягодницы. Они делали набеги на поля во время уборки хлеба, хватали себе в седла жниц. Полонянок потом переменяли друг у друга, покупали, продавали, воровали. Из-за женщин насмерть рубились, резались, стрелялись. Ни леса, ни зверя, ни рыбы они не берегли. «Иноверцы» бежали в Китай. Русские переходили границу следом за ними. Горная вольница буйствовала на Алтае до конца восемнадцатого века. Она никому не платила дани, не признавала ни русских, ни китайских властей.

В горах задымились рудники Бухтарминские, Риддеровские, Зыряновские. Жизнь стала опаснее и тяжелее. «Каменщикам» надо было «беречься» и алтайцев, и киргизов, и китайцев, и царских солдат. Они решили проситься под китайского богдыхана. Богдыхан в свое подданство не принял. Раскольники поклонились русской царице. Екатерина их «простила», на сто лет освободила от военной службы, обложила ясаком наравне с «иноверцами». Они вышли с заимок, построили деревни. «Каменщики» сблизилась с «поляками», смешались с раскольниками из керженских лесов, стали называться кержаками.

В девятнадцатом веке Китай и Россия разделили Алтай. Реки, текущие на север, отошли русским, реки на юг – китайцам. Кержаки оказались хозяевами огромной страны, в которой «воды сладчайшие и рыбы различные множество», зверь в изобилии, а «на исходящих рек дебрь плодovита на жатву и скотопитательные места пространны зело...»¹³

Долина Талицы была захвачена русскими одной из последних. В меньших размерах история ее слово в слово повторила историю заселения всей страны. В долину вместе с переселенцами из России стекались и беспокойные люди из обжитых углов Алтая. Одни строили прочные дома с расчетом «на век», другие таяли немудрые избенки, не покрывали их даже крышей в надежде на скорый переезд. Бескрышные жили в селе год, два, три и уходили в Монголию, в Китай, на Мамур-реку (на Амур), на Зеленый Клин (в Приморье). Они упорно разыскивали «Белые воды». Некоторые из них иногда задерживались на одном месте лет на двадцать, доживали до старости, но жилищ своих так и не покрывали, не оставляли упрямой мечты об уходе в страну, которой не было. Случалось, что мечтатели заражали и старожилов своими страстными стремлениями к поиску чудесной земли. Целые села вдруг бросали дома, пашни, пасеки, маральники и уходили на «Беловодье».

Начало Белым Ключам положили пять родов – Моревы, Чашегоровы, Мамонтовы, Бухтеевы и Пахтины. Все – ревностные поборники древнего благочестия, «святой» отеческой старой веры. Они не употребляли табаку и чаю, не пили из одной чашки с «мирскими», не брили бород, крестились широким двуперстным знаменем. Разбогатели они быстро.

Магафор Морев начал с топора и пули. Топором он взял не только жену, но и деньги, и лучшую землю. Он зарубил богатого проезжего купца, заночевавшего у него, воспользовался его деньгами. Он засек в пьяной драке своего конкурента мараловода Мамонтова, завладел его звериным «садом» и полем. Пулей Магафор добыл скот на пастбищах алтайцев и пушнину в черни. Односельцы звали его мясорубом. Он был самым богатым в Белых Ключах, поэтому считал себя «первым» человеком, о себе и родном Поморье говорил всегда с гордостью.

– Город наш Кола – крюк, народ – уда, что ни слово, то и зазубра.

У Магафона было пять сыновей. С отцом остался только старший Агатим, остальные ушли искать новые земли. Агатим был хитер, жаден и предприимчив. Хозяйство отцовское он приумножил. Агатим не утруждал себя тяжелой охотой за пушным зверем. Он подкарауливал счастливых охотников и одним выстрелом добывал сразу несколько соболей, десятки колонков, сотни белок. Осторожный мужик не подвергал себя случайностям боевых набегов на кочевников-скотоводов. Он предпочитал скупать за бесценно лошадей, угнанных другими. Обобранные туземцы нанимались к нему в батраки. Перед расчетом они часто пропадали без вести или тонули в Талице. Агатим в таких случаях с простодушием заявлял уряднику:

¹³ Сибирский летописец Савва Есипов, 1636 год.

– На Вонючем Боме голову, чо ли, у ево обнесло, курнулся в воду. С пасеки мы с им ехали. Агатим недоуменно разводил руками.

– Известно дело, нехристь, души в ем нет, ровно в звере, пар один, а сожалося у меня серее. Стою, жалкую, гляжу, шапчонку ево бьет волна...

Агатим опускал глаза, складывал руки. Урядник крикал, косился на лагушок с медовухой.

На своей пасеке Агатим охотно давал приют беглым каторжникам и бродягам. Он искал среди них «фабриканта», который умел бы делать «гумажки». «Фабрикант» в конце концов нашелся, и «фабрика» заработала. Агатим покупал на фальшивые деньги скот, богател. Он был предусмотрителен и умел прятать концы в воду и в огонь. «Фабрика» со станком и с мастером у него сгорела накануне обыска. Становой ничего не нашел, но домой вернулся веселый.

Последним делом жизни Агатима была постройка большой молельни. Денег на нее он не жалел. Плотников хорошо кормил, по окончании работ рассчитал честно и сам вызвался вывести их на тракт кратчайшей тропой через свою пасеку. Вечером на пасеке Агатим в последний раз угостил строителей трехлетней медовухой, сладкой, как виноградный сок, и крепкой, как спирт. Сон пьяных был непробуден. Агатим, как у мертвых, выворачивал у спящих карманы, вытаскивал деньги из секретных мешочков, из-за пазух. Утром обобранные сволокли сонного Агатима с нар, стали бить. Агатим в краже не сознался. Плотники выщипали у него по волоску всю бороду, выбили все зубы, курнали его в Талицу, подолгу держали под водой. Мокрый, ошипанный, пусторотый, багровый от побоев, он ползал на животе, целовал сапоги своих мучителей, клялся всеми святыми, что никогда в жизни никого не обманывал, молил о пощаде. Деньги он не отдал. Плотники устали. Они подняли его за руки и за ноги, несколько раз ударили поясницей о землю и ушли.

Агатима через три дня нашла жена. Он был жив. Муж с трудом сказал жене, где закопал деньги. Она их вырыла из-под улья, принесла ему сверток бумажек и несколько горстей серебра с медью. Он взглянул на деньги, улыбка загорелась у него в глазах. Он с ней и умер, повеселевший и успокоенный.

Сын Агатима Андрон считал, что убивать человека опасно и невыгодно. На людей он смотрел, как на кур, которые при умелом уходе могут нести золотые яйца. Андрон за всю свою жизнь никого не убил, не избил, не обругал, ни с кем не обошелся грубо. С начальством был лъстив, с односельчанами приветлив, с батраками снисходительно-ласков. Медовуха часто была для Андрона тем же, что для Магафора топор и для Агатима денежный станок. Все торговые сделки, прием и увольнение рабочих он проводил со стаканом в руке, с улыбкой и поклоном. Он находил, что с охмелевшими людьми разговаривать и рассчитываться легче и прибыльнее, чем с трезвыми. В сенокос, в страду, во время срезки рогов у маралов на него работали десятки «помочан», которые получали за «помочь» только медовуху, дневное пропитание да доброе слово хозяина. Андрон обогатился на широком применении наемного труда, на использовании машин, агрономических знаний и на всяких перекупках-перепродажах. Он первый в селе завел сеялку, жнейку, молотилку, сепаратор, первый стал разводить племенной скот и птицу, кровных лошадей, породистых кроликов. Он ранее других пчеловодов перешел на рамочные улья. Он один сеял клевер. На сельскохозяйственных выставках до и после революции он неоднократно получал награды и похвальные отзывы. Его хозяйство в последнее время было признано культурным и показательным. Революция отняла у Андрона царские и колчаковские бумажки (десятки тысяч рублей), помяла его хозяйство. Андрон выждал, огляделся, рассчитал и начал строить все заново. Основными источниками дохода у него по-прежнему остались наемный труд и машины. Разница была только в том, что он «перестал нанимать батраков», у него работали теперь только «родственники». Посевы его опять были громадны, но три четверти их он скрывал. Он давал неверные сведения и о количестве своих машин, скота, лошадей. Председатель и секретарь сельсовета были на его полном содержании, поэтому он чувствовал себя в безопасности. Некоторой защитой служила ему и вывеска культурника.

Он окреп настолько, что стал задерживать в своих амбарах зерно, рассчитывая таким образом поднять на него цену. Цены не поднялись. В Белые Ключи приехал из города коммунист, объявил, что он – уполномоченный по хлебозаготовкам. Андрон одним из первых получил от него предложение сдать хлебные излишки.

Андрон проснулся с рассветом. Он приподнялся на локте и долго смотрел на спящего Безуглого. Безуглый стонал и морщился. У него болела старая рана. Во сне он снова падал с узкой тропы, качался в ветвях кедра, наваливался на Андрона. Он слышал, как под ним хрустели сучья и кости. Он задыхался в густой зелени дерева и в длинных волосах Морева. Безуглый с трудом поднимал тяжелые веки. Солнце кусками спекшейся крови запуталось в бороде Андрона, размазалось на его щеках. Безуглый в первую минуту даже не понял, во сне или наяву раздавил он своего спасителя, окровавил его лохматую голову.

* * *

Костер жгли днем. На горах лежал туман, плотный и серый. Охотиться было нельзя. Безуглый в третий раз разбирал и чистил затвор винтовки. Алтайцы сосали длинные трубки. Помольцев дремал у огня. Андрон грел в дыму руки.

– Глянулся ты мне, Федорыч, в двадцать первом годе. С охотой ходил я за тобой, хорошо ты поправлялся у меня.

Андрон посмотрел на Безуглого.

– Если бы все такие коммунисты да поставили бы тебя над Алтаем.

Безуглый разглядывал пузырек с ружейным маслом.

– Обидно нам, что алтаишка у нас в области председателем. Ужели руйского не нашли? Безуглый не ответил.

– Мы сознаем, што власти без налога аль без заготовки нельзя. Не к тому я веду беседу. Тягостью хрестьянина не задавишь, порядок был бы.

Андрон положил в костер дров.

– Не век же, поди, река дурить будет, чертомелить, корежить все?

Безуглый щелкнул затвором.

– Она войдет в берега, Андрон Агатимыч, но потечет по новому руслу.

Андрон не слышал.

– Куропашка птица, и та за свое гнездо бьется, собственность свою соблюдает, не щадя жисти. Каково же хрестьянину собственности лишаться? Собственности нету, и антиресу нету.

Ветер закрыл Андрона дымом. Он перешел на другую сторону.

– Кумыной ни одно восударство не живет, а нам хочется всех догнать и перегнать. Ежели догонять, то зачем коллєвтив, у их этого и в заводе нет. Али это перегон-то самый и есть? Товда почему перегон наперед догону стоит? По первости надо образованность таку поиметь, как у их, дорог железных настроить поболе, фабрик.

Андрон говорил быстро. Злоба мелкой дрожью била его руки и глотку.

– Шутка в деле догнать. Да нам всюю Америку дай, слопаю в один год без остатка. Народ обмелел и скотом, и хлебом.

Андрон подошел к Безуглому.

– А мое мление такое, коль хрестьянину плохо, то и власти не сладко. Как бы власть ни была, а должна она подмогнуть хрестьянину. Не о себе, Федорыч, я думаю, о восударстве болею.

Он сел на обрубок рядом с Безуглым.

– Кто у нас будет работать? Нижние коммунисты одно только званье имеют да билеты в карманах трут. В высшем управлении, верно, есть люди с правильным понятием. Но как могут сделать верхи без низов?

Андрон плечом прилип к плечу Безуглого.

– Читал я в газетке речу вашего большого коммуниста. Фамилию вот только не вспомню... Не то Колбаскин, не то Сырков... золотые слова.

Андрон загнул на левой руке толстый кривой мизинец.

– Слово первое – накопляйте в добрый час.

Он загнул безымянный палец.

– Слово второе – к Тельбесу поедем на корове.

В глазах у Андрона играли липкие медовые блески.

– На чьей корове Сырков-Колбаскин етот собирался ехать? На моей. Кому говорил – накопляйте? Мне. Дурак, он, думаешь, не понимал, што шпане копить неково и ехать не на ком. Он линию умственную вел на крепково, настоящего хозяина.

Безуглый дернулся всем телом, вскочил. Андрон хвалил коммуниста. Он, конечно, помнил его фамилию и перевирал нарочно для издевки. Андрон поднялся следом за ним, стукнул себя кулаком в грудь.

– Кто больше всех давал восударству хлеба? Кто культурный хозяин? Ково первого премировало областное ЗУ¹⁴ и сибирское ЗУ? Чей патрет был напечатан в газетах?

Он почти кричал.

– Меня наградили земельные органы власти. Меня пропечатали и поставили в пример другим. Я завсегда шел с ласковыми глазами навстречу нашему хрестьянскому советскому правительству. Пошто же теперя на меня удавку ладят?

Они стояли друг против друга со стиснутыми зубами. У обоих кривились губы.

– Мы корчем последние корни капитализма в деревне. Понятно?

– Чо же вы зорить нас, хрестьян, будете?

– Кулаков будем ограничивать.

Андрон передразнил Безуглого:

– Обграничивать, ну и обграничивайте на свою шею. На пароходе ехал, видал, поди, сколь хлеба на пристанях навалено?

Он сжал кулаки, удержал в них свою ярость. Глаза его опять стали лживыми и ласковыми.

– Верь моему слову, от тебя, старый ты мне дружок, не таюсь, все со скрытых пашен. На гумаге мы посев увеличили, на фахте сократили. Ране, скажем, иной сеял сорок десятин, показывал пятнадцать. Нонче он посеял двадцать и показал двадцать. По-вашему – увеличение, а по-нашему – уменьшение, потому хрестьянин со скрытого поля не сам ел, а на базар вез. Вы думаете, мужик будет дожидаться, пока к нему на двор придут лишки считать? Он сам свое хозяйство расфуркает.

Андрон помолчал.

– Чо же это будет? Я нарушу хозяйство, другой нарушит. Каково восударству-то придется?

Он снова сел.

– Може одумаетесь?

– Нет, не одумаемся.

– А мужики все надеются.

– Напрасно.

– И меня зорить будешь?

– Конечно, буду.

Андрон осмотрел Безуглого с ног до головы.

– Двадцать первый год забыл? Неминучая тебе смерть, кабы не я. Ужели не поимел Андрон Морев заслуги перед тобой? Сказывай, враг я тебе иль друг?

¹⁴ ЗУ – земельное управление.

– Вы – кулак.

Андрон развел руками, опустил голову.

– Виноват я перед вами, товарищи, много работал, много хлеба сдавал восударству. Бейте, завине кругом.

– Никто вас бить не собирается, Андрон Агатимыч. Я вам многим обязан, может быть, даже жизнью, но... мы строим социализм.

Андрон спросил с ласковым удивлением.

– Федорыч, ужели ты веришь в экую неумность?

Он не дал ему ответить.

– Отчего же выходит в кумынах все широким кверху? Ведь были в ей наши мужики, все имущество утопили, вышли наги и босы и сызнова нажили спроть всей кумыны вдесятеро.

Андрон замахал на Безуглого обеими руками.

– Обожди, Федорыч, послушай. Мы – люди темные и так располагаем, што от насильства у вас все не ладится. Собака – тварь животная, и та ласку обожает.

Безуглый громко плюнул.

– Вам, Иван Федорыч – плевки, а нам – шлепки. В двадцать первом годе нас, ровно скот, загоняли в кумыну. Вот Нефед Никифорыч и другие партизаны, и добрые партейцы не захотели, потому за имя никакой провинки перед советской властью не было, их не застращаешь. Ну а которы у Кольчака служили иль просто богатые за свои головы опасались, те все взошли. Писались без отказа, потому раз начальство велит и сами про себя знали, што виноваты. Одно только просили объявить, на сколькой срок наказанье назначено. Сроку никому не дали и согнали всех в бараки. Присидатели, сикритаришки, разное кумынное начальство сидели в отдельных избах и паек себе особый брали, на работу не ходили. Жизнь была очень печальная. Народ страдал в надежде на манифест. Дай бог, царство небесное Владимиру Ильичу, выдумал он нову политику.

– Разве и вы в коммуне были?

Андрон спрятал в бороде самодовольную усмешку.

– Я откупился.

– Неужели все коммуны были так созданы?

– Пошто, иные беднота организовывали без принуки. Понятия только у них никакого не было. Они думали, што зайдут в кумыну, и все будет, и работать никому не надо. Лежи с бабой и жуй пайку. Видали мы всяки ваши хитрушки-мудрушки. В осьмнадцатом годе беглые от голоду из Петрограду рабочие первый почин сделали. Ничего у них не вышло, никакого согласия и распорядку не было. Один пашет, трое пузо на солнце греют, пятеро ложками котел мерют. Держались они, покудова деньжонки да разное барахлишко разматывали, потом разошлись, и тех хрестьяне поймали и сдали белым на расстрел.

Андрон сверху вниз посмотрел на Безуглого.

– А ты, Федорыч, говоришь – социализм. Он товда будет, когда обману не будет, а обман товда унистожится, когда каждый станет столь хитер, што ни ево никто обмануть не сможет, ни он никого. Пока же выходит по-вашему: не обманешь, не соврешь – веку не проживешь.

Безуглый назвал ряд коммун, которые существовали с двадцатого года и имели большое хозяйство. Андрон кивал головой, почесывал зад, зевал.

– Конешно, вам с горы виднея, мы ково знам, деревня.

Безуглый отошел от огня.

Ночью вызвездило. В шалаш лез холодный ветер. Безуглый ежился во сне, жался к горячей спине Андрона. Костер опять горел до утра.

* * *

Андрон остановился, вытер со лба пот, показал на следы.

– Ровно имя хто ворота растворил, набродили, как скотина.

Помольцев снял шапку. Голова у него дымилась.

– Дивно следу.

Он развел руками.

– А зверишек и духу нет.

Безуглый наступил на скользкий камень, споткнулся. Из-под ног у него с треском вылетела пара белых куропаток. В первое мгновение он принял их за два комка снега. Самец летел сзади самки, подгонял ее тревожным, резким криком: «Ху-ху-ху, ху-ху».

Птицы исчезли из глаз охотников далеко у кромки вечных льдов. Там дальнотзоркий Андрон первый заметил два темных живых пятна.

– Федорыч, давай скорее бинокль.

Помольцев закрыл заслезившиеся глаза.

– Зря, Агатимыч, сомняешься. На факте видать, што звери.

Андрон быстро пошел. Помольцев зашагал за ним. Безуглый вытащил из футляра бинокль и тут же ткнул его обратно, побежал за Андроном.

Медведи бродили по льду. Охотники легли. Андрон решил, что звери двигаются в их сторону. Он установил на сошки свою огромную кремневку.

– Мерена бескопытные, сами на пулю лезут.

Безуглый забыл свои длинные ноги и свою неумелость.

Он, припав к земле и затаив дыхание, следил за зверями, сам сильный и ловкий, как зверь. С ним рядом лежали его товарищи – искусные охотники. Они поднялись сюда, на землю, отягощенную льдами, чтобы встать на четвереньки и вступить в бой с четвероногими. Внизу, в пещерах у костров, женщины и дети ждали их возвращения и мяса. Только мгновениями запах ружейного масла напоминал Безуглому, что он – человек, в руках которого машина чудовищной силы. Он до боли в пальцах сжимал винтовку.

Звери вставали на задние лапы, смотрели на небо. Они полгода пролежали в темных берлогах. Запах талой земли был вкусен. Они жадно надували свои легочные мешки, хлопали себя по бокам передними лапами. Из шерсти у них летела зимняя ночная пыль.

Звери они или волосатые люди?

Один хлопнулся на спину, схватил кусок льда и заиграл им, как мячом. Другой сел на зад, скатился с обледелого утеса, перекувырнулся через голову, снова забрался наверх и снова съехал вниз, как озорник-мальчишка с горки.

Охотников душил смех. Ружья тряслись у них в руках.

– Исхуду иху боль, чо вытворяют.

Андрон смеялся и сердился.

– Нажрались, залягут теперя, испрожабь их.

Он встал на колени, осмотрелся.

– С полночной стороны морок идет.

Медведь швырнул льдину, постучал лапой об лапу, перевернулся на брюхо, закрыл глаза. Катайщик забрался на утес и лег на нем. На боках у него белели большие снежные пятна.

– Скрадать надо скорее, неровен час задурит погода, почнет крутить с мыска на мысок, товда к зверю не подойти. Нефед Никифорыч, Иван Федорыч, со восподом полезайте к имя, а я маячить вам буду отсюда.

Помольцев и Безуглый спустились в широкую трещину. Андрон встал на высокий камень, как капитан на мостик, чтобы следить за зверями и управлять передвижением стрелков.

Ветер рассказал медведям об охотниках. Медведи встали с неохотой, но побежали быстрым, широким, неуклюжим галопом. Медвежья жизнь в последнее время плохо пахла. Медведи стали похожи на зайцев.

Охотники вылезли из трещин к пустым утесам. Безуглый в бинокль осмотрел южные склоны с зелеными пятнами первой травы. В круглые стекла сразу попал большой медведь. Он пробирался рыхлым снегом, скорее нырял, чем шел, и очень напоминал тюленя. На него налетела белая волна лавины. Медведь повернулся к ней мордой и лег.

Его захлестнуло, но не снесло. Он исчез в снегу и вынырнул с ловкостью настоящего морского зверя.

Охотники нашли место, где медведя захватила лавина. Камни и снег были в крови. От огромного напряжения у зверя на лапах лопнула кожа. Помольцев обрадованно показал Безуглому красные пятна.

– Зверь ослепился, сыщем в одночасье.

Они пошли по следу.

Зверь, которого преследовали охотники, был черен, силен и острозуб. Он пришел с осинового мыса, от старой лиственницы, на которой из года в год медведи вели свои брачные разыскные записи. Шерсть на загривке у него приподнималась, когда он обнюхивал на дереве свежие следы когтей. Он встал на задние лапы, вытянулся во весь рост и с силой скребнул кору лиственницы всеми своими десятью крючками. По росту он был вторым. Широкие борозды выше его отметины, ниже и почти наравне с ней были не страшны. По запаху он давно знал всех медведей, сделавших затесы. Самый большой из них – старик, неповоротливый, с тупыми когтями и зубами. Медведи меньше его недавно потеряли молочные зубы, а новые у них были малы, как у щенят. Равный ему по возрасту и по силе недосчитывался одного клыка (жеребец выбил кованым копытом), кроме того, у него плохо действовала левая передняя лапа (была в капкане). Около лиственницы шла хорошо натопанная тропа. На нее веснами медведи-самцы выходили искать самок. На тропе он нашел следы знакомой медведицы. Зимой она спала недалеко от его берлоги. Он шел последним. Другие были уже с ней. Лавина не задержала зверя. На пораненные лапы он не обратил никакого внимания.

Медведица и семь медведей ходили на круглой поляне. Медведи встали на дыбы, шутиливо боролись, сталкивали друг друга с небольших утесов. Один светло-бурый самец держался ближе всех к самке. Он не принимал участия в общей возне. Черный зверь рысью подбежал к медведице. Светло-бурый зарычал. Черный оскалил зубы и молча ударил его по уху правой лапой, по морде левой и еще раз правой по шее. Светло-бурый отошел в сторону. Нос у него был разодран в кровь. Черный кинулся на толстого, серого старика, вырвал у него из бока горсть шерсти с салом. Мимоходом он стукнул по затылку темного небольшого медведя со щенячьими зубами. Лапы зверя топорами обрушивались на черепа, на ребра, на хребты соперников. Он, самый черный, оказался и самым сильным. Он занял первое место около самки. Медведица легла на теплый камень. Черный лег рядом. Остальные по ветру друг другу в затылок. Самцы лежали беспокойно. Они поднимали головы, привставали, ворчали. Их волновал сладостный запах самки.

Медведи жили в одиночку. Они сходились только раз в году, выбирали сильного, отдавали ему самку. Самки тогда пахли сильнее трав и цветов. Самцы забывали голод, кровь набухала в их жилах, как вода в ручьях. Они свирепели и лезли через обледенелые скалы, переплывали реки, продирались сквозь таежные заросли. Самцы находили самок после долгих и трудных поисков. Самка отдавалась тому самцу, который около нее преодолевал последнее препятствие – когти и зубы всех соперников.

Медведица поднялась, расставила задние ноги, оглянулась. Медведи вскочили с ревом. Зубы мелькнули, как белые ножи. Звери сшиблись в одну бурю кучу. Из-под ног у них полетели камни, земля, снег, шерсть.

Безуглый с Помольцевым взбирались на гору. Андрон стоял «на глядени», жадными глазами следил за медведями. Ему не нравилось, что охотники шли медленно. Он сжимал кулаки, шептал:

– Скорее, скорее...

Охотники слышали рев, хорканье, сопенье, видели камни, кувыржавшиеся с вершины. У обоих поднимались волосы. Оба часто поправляли шапки. Идти было страшно. На горизонте от темных туч свешивались на землю косые полосы дождя. Тучи, как древние длинноволосые звери на толстых ногах, медленно волокли над горами свои водянистые животы, надвигались на охотников. За камнями, за утесами шевелились тени. Безуглому и облака, и горы казались живыми зверями. Звери шли на него, ревели, земля трещала под их тяжелыми лапами, осыпалась большими кусками. Безуглый с испугом думал, что он должен будет сейчас вмешаться в дела огромного звериного мира, должен будет останавливать движение и рев стихии. Он – один слабый человек. Охотники малодушно замедлили шаги.

Андрон скрипел зубами, стонал.

– Здымайтесь, рядом звери. Упустите. Уйдут. Медведи кончили драку. Они стояли длинным рядом.

Морды, шеи, плечи у них были окровавлены, языки высунуты. Звери дышали тяжело и жарко. Самка немного отошла от самцов и снова призывно оглянулась. Черный бросился на нее, навалился ей на спину всей грудью и животом. Она устойчивее расставила ноги. Победитель ревел и устрашая, и торжествуя. Остальные ходили около, содрогались, яростно ворчали.

Безуглый преодолел страх, открыл у винтовки предохранитель, мысленно сказал себе:

– Командир, смелее.

Он шагнул вперед. Ему навстречу поднялись волосатые лапы туч. Тучи кувыркалились с голубых полей неба на горы, вели первый весенний брачный бой.

Андрон впился себе обеими руками в бороду.

– Стреляйте! Самою.

Безуглый увидел медведей. Они топтались между туч. Они были велики, толсты и лохматы. На оскаленных мордах у них металось белое пламя зубов.

Охотники почти одновременно подняли ружья. Выстрелы обрушились на зверей длинными раскаленными докрасна прутьями. Медведица ткнулась носом в землю. Светло-бурый свалился на бок, захрипел. Помольцев судорожно дергал ржавый затвор берданки. У него завязла раздутая гильза. Молодые медведи зайцами скакали в разные стороны. Одноклыкский кинулся на охотников. Помольцев бросил ружье, схватился за нож. Безуглый поймал на мушку короткоухую голову, нажал гашетку. Медведь бессильно лег. Безуглый был спокоен. Он ощущал напористую, радостную силу во всем теле. Помольцев поднял и зарядил берданку.

Черный остервенело тербил самку за загривок. Самка лежала без движения. Он рванул ее когтями. Она рыхло перевалилась на спину. Он разорвал у нее живот и, мгновенно опьянев от крови, стал пожирать горячие внутренности. Зверь давился.

Охотники оглянулись на Андрона. Он стоял на четвереньках. Они насторожились, услышав громкое чавканье. Помольцев пошел на звук. Черный рывкнул. Помольцев вздрогнул и в упор выстрелил в него, не поднимая ружья к плечу. Пуля оторвала у черного средний палец на правой передней лапе. Безуглый заторопился и промахнулся. Медведь шарахнулся от стрелков за утес.

Андрон взволнованно тыкал рукой, направлял охотников на замеченного им зверя и не видел, что черный в сотне шагов бежал прямо к нему. Помольцев замахал Андрону, закричал:

– Задерет! Гляди!

Андрон не слышал, не понимал. Помольцев с тоской взглянул на Безуглого.

– Федорыч, може, твоя донесет?

Безуглый подумал, что его винтовка бьет на триста метров. До Андрона верных четыре-ста. Впрочем, думать было некогда. Черный свалил охотника, ломал у него кремневку.

Безуглый поднял прицельный щиток и наугад выстрелил. Зверь соскочил с Андрона и скрылся. Андрон лежал неподвижно. Безуглый встревоженно вскрикнул:

– Я в Андрона попал?

Помольцев напряженно вглядывался, молчал. Безуглый дрожал. Оба были бледны.

– Неужели он успел его задрать?..

Помольцев побежал. Безуглый бросился за ним.

С Андроном они встретились недалеко от убитых медведей. Он держал в руках ствол и обломок ложи. Шабур¹⁵ и рубаха его были изорваны, болтались длинными лоскутами. Оголенная шерстистая грудь отливала золотом. На ней краснели четыре неглубокие царапины.

– Поиграл со мной зверишка, трафь его в копалку.

Андрон говорил сконфуженно, точно извинялся за свою оплошность.

– Палец средний ему кто-то из вас отстрелил. Он на меня лапой-то ранетой замахнулся, ровно нечистик вилами. Навалился, язва, из рота душина...

Андрон плюнул.

– По полому месту угадал ты, Федорыч. Пуля аж сгукала у ево в ребрах.

Он протянул Безуглому руку, попытался улыбнуться.

– Настоящий ты мне товарищ и друг.

Андрон задергал губами, заморгал.

– Однометом задрал бы меня зверь...

Он устало сел. Помольцев вздыхал, молчал. Безуглов отвернулся и долго сосредоточенно разглядывал свою винтовку.

* * *

Убитые медведи лежали темными круглыми обрубками. Безуглый садился на них верхом, тербил их за уши, за лапы, мерил длину их когтей, разглядывал густоту шерсти. Он был очень похож на ребенка, занятого интересными игрушками. Андрон, не отрываясь от работы, поглядывал на него с ласковой усмешкой. Он сидел полуголый и чинил свою рубаху. Помольцев старательно точил ножи.

Безуглый обрадовался, когда Андрон встал, оделся, засучил рукава. Помольцев отложил в сторону точильный брусок, спросил:

– Беловать будем?

Андрон посмотрел на солнце.

– Однако время.

Безуглый начал перевертывать одноклыкого на спину. Андрон остановил.

– Помешкай, Федорыч, я сперва надрез сделаю.

Он быстро, как опытный закройщик матерью, раскроил шкуру зверя на груди, на брюхе и на лапах. У всех медведей шкуры с внутренней стороны были в рубцах от когтей, зубов и пуль. У светло-бурого между двух сломанных и неправильно сросшихся ребер завяз много-летний засаленный комок свинца. Охотники неторопливо работали ножами. Для них каждый кусок шкуры раскрывался, как страница звериной летописи. Они иногда вонзали свои ножи в туши, определяли толщину мяса и сала. Медведи были мясисты и жирны. Ножи погружались

¹⁵ Шабур – домотканый зипун, балахон, армяк.

до рукояток. Охотники сладко жмурились, качали головами. Андрон поднял наравне со своим лицом красное сердце клыкастого.

– Видал, Федорыч, серсе-то у нево маненько не с мою голову? Гляди, машина кака, ни пятнушка, ни полосочки, ровно из чурки выточено. С эдакой колотушкой он на любую гору скачет без задыху.

Капля крови крупной, темной вишней упала Андрону на рубаху, скользнула вниз. След ее вспыхнул, как царапина. Андрон положил сердце, стал вытягивать кишки.

– Меряй не меряй: тридцать два аршина у каждого. Очень они для вожжей способны. На морозе не мерзнут.

Андрон разнимал медведя на куски и, как учитель ученику, объяснял Безуглому:

– Ты слыхивал когда, што главный струмент у нево костяной?

Андрон отрезал и показал ему фалл зверя. Он постучал по нему ножом.

– Без осечки, паря, навсегда твердой.

Безуглый был искренне уверен, что убил медведей, самых огромных, свирепых и жирных. Никто, конечно, ранее него не убивал таких. Он вышел на борьбу с ними совершенно один. Разве можно считать Помольцева с его ржавой берданкой? Безуглый с трудом скрывал свою радость. Хорошо бы сюда собрать своих друзей и товарищей. Он всем позволит посмотреть и потрогать медвежьи зубы и когти. Он каждому даст мяса.

Мясо и сало охотники таскали к пещере, в которой решили заночевать. Безуглый гнулся под тяжестью медвежьих окороков. Он шагал по камням сейчас так же, как и сто тысяч лет тому назад. Он нес теплую кровавую добычу самке и детенышам. Он, волосатый пещерный охотник, знал, что человеку хорошо, когда у него много мяса. Он скалил зубы. Он улыбался.

Охотники были утомлены и голодны. У костра они сидели молча. В котле клокотала седая пена. Кусок грудинки, укрепленный на двух шомполах, шипел, капал в огонь жиром. Андрон заговорил, когда его ложка стукнулась о дно опорожненной посуды.

– Человеку от бога положена в пищу тварь копытная. Я же, грешник, оскверняю брюхо свое зверем когтистым.

Помольцев и Безуглый подавились супом. Андрон посмотрел на них, захохотал, отрезал себе толстый пласт душистого медвежьего шашлыка.

Глаза охотников суживались, рты широко раскрывались. Ели они много. Сытые сидели потом, полуразвалившись. Седла заменяли им спинки кресел. Они отдались любимому занятию всех охотников – беспорядочным рассказам о встречах со зверями и птицами, воспоминаниям. Все виденное на охотах извергалось ими из глубин памяти, может быть, в десятый раз и заново обсуждалось с медлительностью и смакованием.

Помольцев пытался рассказать о себе.

– Этта стрелил я бельчонку...

Его остановил Безуглый.

– Нефед Никифорыч, вы лучше расскажите, как у вас патрон завяз, когда одноклыкый к нам кинулся.

Безуглому хотелось, чтобы охотники еще раз поговорили о его смелости и искусстве в стрельбе. Помольцев и Андрон стали вспоминать утреннюю охоту. Они разобрали обстановку, в которой произошла встреча с медведями, выяснили достоинства обоих стрелков, отдали должное твердости Безуглого и особенно задержались на оценке его дальнобойной винтовки. Много времени ушло на рассказы о том, что каждый во время охоты сделал, подумал, крикнул. Андрон закончил всестороннее обсуждение вопросом обращением к Безуглому:

– Можно с тобой, Федорыч, зверя промышлять, сотоварищ ты правильный.

Охотники поднялись размять ноги. Помольцев дернул плечами, топнул. Андрон мотнул головой. Тела их закачались из стороны в сторону. Охотники, как крылья, широко раскинули

руки, стали медленно приплясывать. Оба тянули бессловесный припев, похожий на бульканье тетеревов.

– Ле, ле, ле!

Безуглый встал в круг, раскрыл руки. Ему хотелось петь о медведях, об их мясе и шкурах.

Он выкрикнул:

– Ле, ле, ле!

Охотники сильнее замахали руками. Пляска их у огня была проста и яростна, как пляска птиц весной.

Спать легли в пещере. Шкуры пахли сырой кровью. Длинная шерсть на них была пушиста и тепла. Безуглый голый бродил по песчаному берегу моря, прятался среди валунов, каменным топором бил медведей, выламывал у них костяные фаллы. Фаллы были похожи на длинные молочно-розовые жемчужины. Он нанизал их на сухую жилу оленя и отнес в пещеру своей густоволосой самке. Она надела ожерелье. Глаза у нее раскрылись черными крыльями бабочки. Он повалил ее на мохнатое теплое ложе.

Безуглый проснулся, потрясенный сильнейшим желанием. Во рту, как след поцелуя, был солоноватый вкус крови. Под шкурой стало жарко. Безуглый выполз к костру. Горы лежали, белые и голые. Впадины их темнели круглыми кратерами мертвых вулканов. Голубые языки ледников висели над чернотой ущелий. Охотник долго смотрел на небо. Над его головой текли синие реки вселенной. Вечность была занята своим обычным делом – переливала из сосуда в сосуд. Недалеко от озера ветер гонял льдины, бил их о берега. Льдины рассыпались со звоном. В пещере громко капала вода. Звон льда напоминал переливчатую игру курантов. Стук воды был четок и мерен, как стук маятника. Безуглый думал, что ход часов вечности неумолимо точен, они одинаковым бесстрашием отсчитывают сроки жизни целых миров и каждой ничтожной козявки. Он взял себя правой рукой за левую. Кровь двигалась по жилам размеренными толчками. Он знал – с годами бег ее будет терять свою правильность, она станет стыть, портиться. Две круглые пружины кровяных часов рано или поздно сломаются. Безуглый не чувствовал страха перед неизбежным концом. Он был слишком здоров и сыт. Он посмотрел на большие, белые от жира куски медвежьего мяса, ухмыльнулся и громко рыгнул.

* * *

Алтайцы сидели в седлах. Русские выючили лошадей. Охота была удачной. Четыре медвежьих шкуры – у Енмеховых. Три – у Безуглого с товарищами. Переметные кожаные сумы раздулись от сала и мяса.

Горы до облаков затоплены прозрачной водой. Облака покачивались на ней, как белые льдины. Вода текла по глазам охотников. Рукава и кулаки не помогали. Охотники ехали по дну моря. Шумы огромного человеческого мира не доходили до обледенелых подводных хребтов. В них была тишина. Безуглый слышал стук своего сердца. Копыта лошадей на донном льду позванивали, как колокольчики. В суминах густо хлюпал медвежий жир.

В сумерки охотники увидели знакомые айлы. Издали очертания стойбища казались рисунком дикаря на скале. Безуглый теперь внимательно разглядывал нищенские айлы, ничтожные табуны скота, узкие полосы пашен. На межах лежали кучи камней. Горные земледельцы складывали их годами, расчищая неудобные поля. Деревья около кочевья стояли зарезанные, с белой оголенной древесиной. Кора с них была содрана широкими кольцами от корня на высоту человеческого роста. Ею кочевники покрывали свои жалкие жилища. Летовки и зимовки теснились в одной щели. Алтайцы кочевали на полкилометра в одну сторону, на полкилометра – в другую, на километр – вперед, на километр – назад.

У юрт Енмеховых охотники съехались с Анчи и его гостями. Они возвращались с камлания – пятого по счету. Пять кобылиц – лучших лошадей стойбища – были разорваны в жертву Ульгеною. В юрте все сели вокруг очага, закурили. Андрон шепнул Безуглому:

– Живут по щелям люди тоже, прости восходи. Заткнут задницу пяткой и сидят целый день, табак жгут. Тут и вся ихняя занятая.

У Безуглого дернулись губы. Он отвернулся от Андрона.

Длинные, окованные медью трубки сопели. Ни гости, ни хозяева не начинали разговора. Люди должны помолчать и подумать.

Первым поднялся хозяин – Анчи. Он вылил в очаг туяс жертвенного лошадиного жира. Дым толстым нефтяным столбом встал над юртой, уперся в синий потолок неба. Звезды в тяжелой копоты металась мелкими искрами костра, зажженным на весь мир. Анчи стоял как старший над всеми людьми и всем равный. Он роздал поровну каждому мясо, добытое на охоте его сыновьями. Никто не был обойден: ни старик, ни ребенок, ни сильный, ни слабый. Охотник знал, что тайга – мать людям, когда они при разделе дичи – братья. Люди будут счастливы, мясо никогда не переведется в их котлах, если они смогут справедливо делить свою добычу. Алтайцы отходили от Анчи с полными руками.

В растопыренных пальцах куски сырой медвежатины висели стручками красного перца.

Тойлонг молча налиwała гостям чегень. Безуглый отхлебывал из деревянной чашки кислую молочную жижу и слушал Анчи. Алтаец мог бы и не говорить. Безуглый сам знал все. Он думал, что рассказ Анчи повторит и негр, и индеец, и индус. В своих колониях русские, англичане, французы, немцы хозяйничали, как родные братья-разбойники. В Африке, в Америке, на островах Тихого океана, в Туркестане и в Сибири у них было одно оружие – пуля, крест и деньги. Безуглому дома и фабрики сибирских купцов показались кораблями рабовладельцев. Вражеской эскадрой развернулись они вдоль хребтов Алтая. С них высадились и бросились на страну отряды завоевателей. Переселенец шел с топором. Он подсек охотничье хозяйство алтайца. Купец наехал с грошовыми безделушками. Он за пятакое зеркальце брал быка, за нитку стеклянных бус – коня. Туземец сразу оказался у него в кабальном неоплатном долгу. Поп пер с проповедью учения Христа. Крест на его груди был для язычников страшнее ножа грабителя. Лучшие плодороднейшие пахотные и пастбищные земли были захвачены монастырями и духовными миссиями. Войны – мировая и гражданская – расхитили последний скот и лошадей. Анчи в одном не прав: не все русские – враги алтайцам. Революция прогнала попов. Монастыри теперь – школы. В них учатся дети алтайцев. Революция вернула алтайцам земли, отнятые у них белым царем и его слугами. Алтайцы снова стали хозяевами своей страны. Однако большевики, алтайцы и русские, дрались с белогвардейцами, алтайцами и русскими, не для того, чтобы в горах вместо чужих купцов, кулаков и попов появились свои баи и ярлыкчи...

Аргамай Кудачников перебирал пальцами редкие седые волосы своей бороденки. Он решительно вмешался в разговор хозяина с гостем. Он ведь давно говорил, что жить надо по-новому. Он еще в двадцать седьмом году хотел организовать колхоз. Все соглашались. Его выбирали председателем. Он – старый и опытный и большой скотовод. Он не понимает, почему облизполком не разрешил живущим в Крутой Щели объединиться. Аргамай Кудачников много слышал о справедливом коммунисте Безуглом. Слава его на Алтае бела, как вершина Белухи. Может быть, он поможет алтайцам в трудном деле?

Лицо Аргамая Кудачникова, круглое и плоское, напоминало желтую деревянную тарелку. Глаза и рот были пятнами орнамента, положенного серой и малиновой красками. Он сидел в грязном, замасленном синем халате и в вытертой рыжей высокой шапке из лисьих лапок. Аргамай Кудачников при советской власти – полный бедняк. Ранее ни он, ни батраки-пастухи не знали, сколько у него скота. Он был коннозаводчиком двора Николая Второго, ездил

в Германию и в Англию. Безуглый сказал, что в Улале решили правильно. Баи не могут быть в колхозах.

Темирбаш согласна с Безугловым. Алтайцам не нужны баи. Без них каждый будет богатым. Отец говорил: Алтай беден. Неверно. Земля сильна. Ее надо положить себе под ноги, как убитого марала. Надо распороть ей грудь, вынуть из нее жир – золото и затвердевшую кровь – руду. Надо распилить ее драгоценные рога – горы. Отец жалел: не стало коней. Есть кони. Езуй Тантыбаров оденет железобетонные хомуты на миллионы неезженных белогривых скакунов. Они будут вертеть колеса машин в Улале, в Риддере, в Зыряновском руднике.

Аргамай и его родственники закрывали рты руками. Они обижены. Девчонка вступила в разговор с мужчинами. Она учила старика. Аргамай не ушел потому только, что не хотел оскорблять Анчи – покидать его юрту и в то время, когда в ней поставлен на огонь котел с аракой. Гордость отца заставила забыть обычаи своего народа. Его дочь говорила умные слова, которым она научилась в большом русском городе. Анчи не остановил Темирбаш.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.